

ИЗОБРЕТЕНИЕ ИНДУСТРИЙ

Костяная индустрия среднего палеолита Восточной Европы
Новые данные о стратиграфии Ильской 1
Ассиметричные треугольники верхнего палеолита Казахстана
Франц Ганчар: забытый гений европейской археологии
Почему гоминиды стали людьми?

Ответственный редактор — Леонид Б. Вишняцкий,
Заместитель ответственного редактора — Александр А. Бессуднов

E-ISSN 1857-3533

Stratum plus. Nr. 1.
Archaeology and Cultural Anthropology

The Invention of Industries

Bone industries in the Middle Palaeolithic of East Europe
New data on the stratigraphy of Ilskaya 1
Scalene triangles in the Late Palaeolithic of Kazakhstan
Franz Hančar: A forgotten genius of European archaeology
Why did hominids become humans?

Editor-in-Charge: Leonid B. Vishnyatsky,
Associate Editors — Alexander A. Bessudnov

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2026

Stratum plus. Nr. 1.
Arheologie și antropologie culturală

Inventarea industriilor

Industria osoasă în paleoliticul mijlociu al Europei de Est
Date noi privind stratigrafia sitului Ilskaya 1
Triunghiuri scalene în paleoliticul superior din Kazahstan
Franz Hančar: un geniu uitat al arheologiei europene
De ce au devenit hominidii oameni?

Redactor responsabil — Leonid B. Vishnyatsky,
Redactori adjuncți — Alexander A. Bessudnov

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2026

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

Н. К. Анисюткин (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Сергей Иванович Коваленко — последний специалист по палеолиту Молдавии (1960–2025)	15
Фотоальбом	21

СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ

М. Д. Куприянова, Я. Д. Иванов, К. Н. Степанова, Е. В. Беляева, А. К. Очередной (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Костяные индустрии среднего палеолита Восточной Европы и Северного Кавказа	33
В. Е. Щелинский (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), М. В. Минаев (<i>Ильский, Россия</i>). Стратиграфия среднепалеолитической стоянки Ильская 1	61
К. А. Колобова, А. И. Кривошапкин, Г. Д. Павленок, К. К. Павленок (<i>Новосибирск,</i> <i>Россия</i>). Заполняя лакуну: средний палеолит Кульбулака в контексте продолжительной хронологии обирахматского варианта	85
А. М. Кузнецов, А. Б. Спасибко (<i>Иркутск, Россия</i>). Экспонированный комплекс на Горе Глиняной (Южное Приангарье): типология, технология, периодизация	103

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ

А. Р. Лада, А. А. Бессуднов, В. С. Смолкина (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Р. Диннис (<i>Абердин, Великобритания</i>). Ретушные резцы-нуклеусы древнейшего верхнего палеолита II культурного слоя стоянки Костенки 17	129
Д. В. Ожерельев (<i>Москва, Россия</i>), А. Р. Лада (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Т. Б. Мамиров (<i>Алматы, Казахстан</i>). Первичное расщепление индустрии с асимметричными треугольниками поздней порыверхнего палеолита Северного Тянь-Шаня (по материалам стоянки Рахат, культурный слой 4/3)	153
Т. В. Корнева (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Использование каменного сырья и планиграфия позднепалеолитической стоянки Ирба 2 в Красноярском крае	169

МЕЗОЛИТ

- М. Г. Жилин** (Москва, Россия), **М. А. Кулькова**, **А. М. Кульков** (Санкт-Петербург, Россия), **А. А. Симоненко** (Москва, Россия), **В. Л. Руев** (Симферополь, Крым).
Стоянка Замиль-Коба 3 185
- Д. А. Демаков**, **Е. Л. Лычагина**, **Е. М. Томилина** (Пермь, Россия). **Итоги петрографического анализа каменного инвентаря памятников камской мезолитической культуры** 211

МЕТОДЫ

- Ю. М. Свойский**, **Е. В. Романенко** (Москва, Россия), **Г. А. Хлопачев** (Санкт-Петербург, Россия), **А. П. Гирич** (Москва, Россия). **Методология создания 3D-моделей бивневых бусин с Сунгирской стоянки: возможности извлечения и использования морфометрических данных** 227
- Д. В. Марченко**, **А. М. Хаценович** (Новосибирск, Россия), **А. М. Клементьев** (Иркутск, Россия), **Е. П. Рыбин** (Новосибирск, Россия), **Д. Базаргур**, **Я. Цэрэндагва** (Улан-Батор, Монголия). **Определение вклада животных и человека в аккумуляцию костей в плейстоценовых отложениях с помощью пространственной статистики (на примере Большого грота пещеры Цагаан-Агуй)** 239

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ

- Е. В. Детлова** (Красноярск, Россия), **С. В. Кузьминых** (Москва, Россия).
Франц Ганчар: забытый гений европейской археологии 251

НА СТЫКЕ С ФИЛОСОФИЕЙ

- Н. С. Розов** (Новосибирск, Россия). **Где, когда и почему гоминины стали людьми: африканский трамплин к финальной сапиентации** 289

Список сокращений 309

Авторам Stratum plus 311

CONTENTS

AD MEMORIAM

N. K. Anisyutkin (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Serghei Covalenco — the Last Specialist on the Palaeolithic of Moldova (1960–2025)	15
Photo Album	21

MIDDLE PALAEOLITHIC

M. D. Kupriyanova, Ya. D. Ivanov, K. N. Stepanova, E. V. Belyaeva, A. K. Otcherednoy (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Bone Industries of the Middle Palaeolithic of Eastern Europe and the Northern Caucasus	33
V. E. Shchelinsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), M. V. Minaev (<i>Ilsky, Russian Federation</i>). Stratigraphy of the Ilskaya 1 Middle-Palaeolithic Site	61
K. A. Kolobova, A. I. Krivoshapkin, G. D. Pavlenok, K. K. Pavlenok (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Filling the Gap: The Middle Palaeolithic of Kulbulak in the Context of the Extended Chronology of the Obi-Rakhmat Variant	85
A. M. Kuznetsov, A. B. Spasibko (<i>Irkutsk, Russian Federation</i>). Open-air Complex of the Gora Glinyayaya Site (South Angara Valley): Typology, Technology, Periodization	103

UPPER PALAEOLITHIC

A. R. Lada, A. A. Bessudnov, V. S. Smolkina (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), R. Dinnis (<i>Aberdeen, UK</i>). Retouched Burin-Cores in the Earliest Upper Palaeolithic of Kostenki 17, Cultural Layer II	129
D. V. Ozherelyev (<i>Moscow, Russian Federation</i>), A. R. Lada (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), T. B. Mamirov (<i>Almaty, Kazakhstan</i>). Primary Flaking Strategies of the Late Upper Palaeolithic industry with scalene triangles of the Northern Tien Shan: Rakhat Site, Layer 4/3	153
T. V. Korneva (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). The Use of Stone Raw Materials and the Spatial Organization of the Late Palaeolithic Site Irba 2 in the Krasnoyarsk Krai	169

MESOLITHIC

- M. G. Zhilin** (*Moscow, Russian Federation*), **M. A. Kulkova**, **A. M. Kulkov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **A. A. Simonenko** (*Moscow, Russian Federation*), **V. L. Ruev** (*Simferopol, Crimea*). **Zamil-Koba 3 Site** 185
- D. A. Demakov**, **E. L. Lychagina**, **E. M. Tomilina** (*Perm, Russian Federation*). **Results of Petrographic Analysis of Stone Inventory from the Sites of the Kama Mesolithic Culture** 211

METHODS

- Yu. M. Svoyski**, **E. V. Romanenko** (*Moscow, Russian Federation*), **G. A. Khlopachev** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **A. P. Girich** (*Moscow, Russian Federation*). **Methodology for Creating 3D Models of Mammoth Tusk Beads from the Sungir Site: Possibilities for Extracting and Using Morphometric Data** 227
- D. V. Marchenko**, **A. M. Khatsenovich** (*Novosibirsk, Russian Federation*), **A. M. Klementiev** (*Irkutsk, Russian Federation*), **E. P. Rybin** (*Novosibirsk, Russian Federation*), **D. Bazargur**, **Ya. Tserendagva** (*Ulaanbaatar, Mongolia*). **Defining the Contribution of Animals and Humans to Bone Accumulation in Pleistocene Deposits Using Spatial Statistics (With Special Reference to the Main Chamber of the Tsagaan Agui Cave)** 239

HISTORY OF ARCHAEOLOGY

- E. V. Detlova** (*Krasnoyarsk, Russian Federation*), **S. V. Kuzminykh** (*Moscow, Russian Federation*). **Franz Hančar: A Forgotten Genius of European Archaeology** . . . 251

AT THE INTERSECTION WITH PHILOSOPHY

- N. S. Rozov** (*Novosibirsk, Russian Federation*). **Where, When, and Why Hominins Became Human: African Springboard to Final Sapientation** 289

Abbreviations 309

Submissions 311

E. V. Detlova, S. V. Kuzminykh

Франц Ганчар: забытый гений европейской археологии

Keywords: Frans Hančar, archaeology, ancient history, Caucasus, Eastern Europe, North Asia, international scientific cooperation, history of archaeology

Cuvinte cheie: Franz Hančar, arheologie, istorie antică, Caucaz, Europa de Est, Asia de Nord, colaborare științifică internațională, istoria arheologiei

Ключевые слова: Франц Ганчар, археология, древняя история, Кавказ, Восточная Европа, Северная Азия, международное научное сотрудничество, история археологии

E. V. Detlova, S. V. Kuzminykh

Franz Hančar: A Forgotten Genius of European Archaeology

Franz Hančar is a significant and remarkable figure in European archaeology from the 1930s to the 1960s. His key research areas during these decades were the archaeology and ancient history of the Caucasus, Eastern Europe, and Northern Asia. Unfortunately, Hančar's name remains undeservedly overshadowed in both European and Russian archaeology today, and his contribution to Soviet archaeology has not been adequately appreciated. This article illuminates some previously unknown episodes and nuances of the Austrian archaeologist's biography and work, reconstructing the mosaic of his life and scholarly work. This article also pursues another important goal: to draw the attention of the scholarly community to Hančar and his contribution to international scientific collaboration. Finally, it is crucial to motivate young archaeologists and historians to further explore the life, work, and scholarly legacy of this "forgotten genius of European archaeology".

E. V. Detlova, S. V. Kuzminykh

Franz Hančar: geniul uitat al arheologiei europene

Franz Hančar reprezintă o figură importantă în arheologia europeană din anii 1930–1960 ai secolului al XX-lea. În această perioadă, direcțiile sale principale de cercetare au fost legate de arheologia și istoria veche a Caucazului, Europei de Est și Asiei de Nord. În prezent, în istoriografia arheologică europeană și rusă, numele său rămâne insuficient valorificat, iar contribuția sa la dezvoltarea arheologiei sovietice nu a fost pe deplin apreciată. Studiul de față își propune să analizeze o serie de episoade și aspecte ale biografiei și activității savantului austriac, insuficient cunoscute până în prezent, precum și să reconstituie parcursul vieții și al operei sale științifice. Totodată, cercetarea urmărește să evidențieze rolul lui Franz Hančar în dezvoltarea colaborării științifice internaționale. Prin această contribuție, se dorește stimularea interesului cercetătorilor tineri pentru studierea aprofundată a vieții, operei și moștenirii științifice a lui Franz Hančar.

E. V. Detlova, S. V. Kuzminykh

Франц Ганчар: забытый гений европейской археологии

Франц Ганчар является масштабной и незаурядной фигурой в европейской археологии 30–60-х гг. XX века. Ключевые направления его исследований на протяжении этих десятилетий были связаны с археологией и древней историей Кавказа, Восточной Европы и Северной Азии. К сожалению, в наши дни в европейской и в российской археологии имя Ганчара незаслуженно остается в «тени», его вклад в советскую археологическую науку не был по достоинству оценен. В настоящей статье освещены некоторые неизвестные ранее эпизоды и нюансы биографии и деятельности австрийского археолога, а также реконструирована мозаика его жизни и научного творчества. Статья преследует и другую важную цель — привлечь внимание научного сообщества к персоне Ганчара и его вкладу в международное научное сотрудничество. И наконец — для нас крайне важно мотивировать молодых археологов и историографов на дальнейшее изучение жизни, творчества и научного наследия «забытого гения европейской археологии».

The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of project No. 25-18-00790 "Domestic archeology in the system of international scientific communications between the two world wars" at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. ■ Lucrarea a fost realizată cu sprijinul financiar al Fundației Ruse pentru Știință în cadrul proiectului nr. 25-18-00790 „Arheologia internă în sistemul comunicărilor științifice internaționale între cele două războaie mondiale” la Institutul de Arheologie al Academiei Ruse de Științe. ■ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 25-18-00790 «Отечественная археология в системе международных научных коммуникаций между двумя мировыми войнами» в Институте археологии РАН

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© E. V. Detlova, S. V. Kuzminykh, 2026.

Имя Франца Ганчара (Franz Hančar) (08.02.1893, Вена, Австро-Венгрия — 10.07.1968, Вена, Австрия) в археологии не так известно, как имена А. М. Тальгрена, Э. Х. Миннза, В. Г. Чайлда, Г. фон Мергарта. Вклад ученого в развитие европейской археологии не менее значителен — чего стоят одни только фундаментальные труды «Древняя история Кавказа с начала его заселения до эпохи ранней металлургии» (Hančar 1937a) и «Лошадь в доисторическую и раннюю историческую эпоху» (Hančar 1956a). Однако на его долю выпало гораздо меньше славы и популярности, чем на вышеозначенных персон. Существующие биографические заметки о нем можно пересчитать по пальцам. На русском языке так и вовсе одна — некролог Е. И. Крупнова на его кончину в журнале «Советская археология» (Крупнов 1969). Из иностранных публикаций — статья Карла Йеттмара (Jettmar 1963), а также ряд кратких словарных статей из различных справочных изданий, например, из словаря Я. Филипа (Filip 1966: 463). Крупицы информации можно найти и в других источниках, например, в посвященном Ганчару сборнике (Franz Hančar... 1962); там же помещен относительно полный список его опубликованных работ. Справедливости ради следует отметить, что персона австрийского археолога удостоилась нескольких строк в «Большой советской энциклопедии», которая определила его как «специалиста широкого профиля», автора многих трудов по палеолиту, неолиту, эпохе бронзы и железному веку Евразии, особенно территории СССР (Ганчар... 1971: 114).

Монографий либо масштабных публикаций, сводящих воедино все аспекты обширной и разнонаправленной исследовательской деятельности Ганчара, которая протекала на стыке археологий нескольких стран, даже спустя полвека со дня кончины австрийского ученого так и не появилось и вряд ли появится в ближайшем будущем. К его работам редко обращались раньше и на них практически не ссылаются современные археологи. В лучшем случае — упоминают имя Ганчара в перечне исследователей, занимавшихся той или иной проблемой. Его персоне не хватило места в сводных трудах по истории науки, его не упоминает, к примеру, Л. С. Клейн в своей, казалось бы, всеобъемлющей «Истории археологической мысли» (Клейн 2011a; 2011b). На вопрос о Ганчаре, который авторы адресовали ученому, имеющим отношение к «ганчаровским» темам и областями исследования, были получены следующие ответы: «имя зна-

Фото. Франц Ганчар. Фотография из сборника, изданного к 70-летию ученого.

Foto. Franz Hančar. Photo from the volume published to the 70th jubilee of the scholar (Franz Hančar zum siebzigsten Geburtstag. MAG XCII. Horn-Wien: Verlag Ferdinand Berger, 1962).

комо», «слышал, но ничего конкретного сказать не могу», или более негативное: «компильатор», «ученый второго эшелона», «его взгляды безнадежно устарели». И только двое коллег — из России и Германии — отметили: «Был умница. Забыли его незаслуженно».

Кто же такой Франц Ганчар, этот загадочный персонаж от науки? Был ли его вклад столь незначителен и не заметен или взгляды столь ошибочны, что не вписывались ни в одну из парадигм и линий развития мировой археологии?

«Нельзя не принять во внимание, что в данный момент я единственный австрийский представитель доисторических исследований, который обладает международной известностью, и далее нельзя упустить из виду, что я также единственный активный специалист по Востоку, для которого эта область исследований является делом всей жизни». Такое смелое заявление из письма Франца Ганчара своему земляку Геро Мер-

гарту (3.08.1947) не лишено оснований. Его мог сделать человек, без ложной скромности осознающий свои заслуги, важность своей работы для мировой археологии и уверенный в своем профессионализме. Уникальность фигуры Ганчара заключается в том, что, в отличие от многих европейских собратьев по профессии, занимавшихся проблемами евразийской археологии и вынужденных в силу обстоятельств (как, например, в случае с Мергартом) переориентироваться на местные темы, его миновала участь превратиться в исследователя-регионоведа.

Авторам настоящего исследования уже беглого взгляда на творчество австрийского археолога было достаточно, чтобы оценить масштабность и незаурядность его фигуры. И даже поверхностное знакомство с биографией и работами ученого обнаруживает массу любопытных деталей, связанных не только с профессиональными достижениями.

Этот очерк ни в малейшей степени не претендует на глобальность и глубину постижения личности Франца Ганчара и не стремится восполнить существенный пробел в истории науки, связанный с этим ученым, как и дать профессиональную оценку его вклада в археологию. Задачи данного исследования гораздо менее претенциозны:

- на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов¹ осветить некоторые эпизоды и нюансы биографии и деятельности австрийского археолога, отчасти реконструировать мозаику его жизни и научного творчества;

- привлечь внимание научного сообщества к персоне Ганчара, чей вклад в изучение археологии и древней истории Кавказа, Восточной Европы и Северной Азии и в советскую археологическую науку не был по достоинству оценен, а в наше время окончательно забыт;

¹ Это переписка Ф. Ганчара с А.М. Тальгреном, Г. Мергартом, Э.Х. Миннзом, А.А. Захаровым, И.И. Мещаниновым, которая хранится ныне в личных архивах Тальгрена (РО НБФ), Мергарта (АМУ), Миннза (АБКУ), Захарова (ОПИ ГИМ), Мещанинова (СПбФ АРАН), а также документы из архива Германского археологического института и краткие справки о нем из архива Венского государственного университета, публикации самого Ганчара и статьи о нем. В настоящей статье нет возможности опубликовать все архивные материалы, на которые мы опирались. В полном объеме они обнародованы в первой части исследования (Кузьминых, Детлова, Белозерова 2025). При цитировании и комментировании писем австрийского ученого мы упускаем также ссылки на конкретные листы архивного хранения.

- мотивировать молодых археологов и историографов на дальнейшее изучение жизни, творчества и научного наследия ученого.

Истоки

Жизнеописание Франца Ганчара пестрит лакунами. Неясности возникают уже при попытке определить национальную принадлежность ученого. «Большая советская энциклопедия» обозначает его как «австрийского археолога» (Ганчар... 1971: 114). «Карпаторос», «фамилия явно славянская» — высказывают версии коллеги. Одним из авторов этой статьи высказывалось предположение, что имя «Франц Ганчар» явно указывает на венгерское происхождение. Венгерские коллеги не вполне согласны с таким утверждением. По их мнению, разобраться с национальностью Ганчара вообще затруднительно — прослеживаются чешско-словацко-немецкие корни, а родом он якобы из северо-восточных пределов Венгрии, примыкающих к Словакии. Однако рассматривать его фигуру в рамках венгерского научного пространства вполне допустимо, поскольку «научная проблематика Ганчара сформировалась под влиянием традиций, сложившихся в австро-венгерской науке» (со слов Иштвана Фодора, экс-директора Венгерского национального музея). И действительно: в «котле народов», каковой была многонациональная лоскутная Австро-Венгерская империя, с уверенностью определить принадлежность к той или иной нации сложно. «Я — венец» (в одном из писем Франца Ганчара Мартину Шеде, президенту Германского археологического института; 25.03.1940) — пожалуй, одно из немногих высказываний ученого на этот счет.

Еще более внушительным пробелом является информация о семье, детских и юношеских годах, учебе австрийского археолога. Единственная зацепка об этом периоде жизни ученого таится в предисловии к его фундаментальному труду «Лошадь в доисторическую и раннюю историческую эпоху»: автор, рассуждая о причинах, сподвигших на написание книги, упоминает о своем «крестьянском происхождении» и ранних годах в сельской местности, воспитании в духе любви к трудящей лошади (Hančar 1956a: VI). Иными сведениями о детстве и отрочестве Ганчара мы пока не располагаем.

Первая мировая война

Очередные загадки в судьбе австрийского ученого связаны с его участием в Первой мировой войне и пленом. Фрагментарными све-

дениями об этом эпизоде его жизни мы обязаны его переписке и отдельным ремаркам в публикациях о нем. При изучении и сравнении различных источников бросаются в глаза незначительные расхождения в текстах писем относительно фронтового пути, военной должности, места и продолжительности нахождения в плену.

Самыми надежными в этом смысле представляются данные из личной переписки Ганчара. В ней содержатся некоторые отрывочные упоминания об этом периоде его биографии. Из них мы узнаем, что начинающий археолог не избежал участи многих талантливых сверстников, которым выпало несчастье делать свои первые шаги в науку в трагическое для всей Европы время. С началом Первой мировой Ганчар оказался втянут в события кровавой европейской бойни.

«Не иначе, как стечением неблагоприятных обстоятельств можно объяснить то, что до сего дня у меня не было возможности познакомиться с Вами, уважаемый господин профессор, лично, хотя родственный круг интересов и даже схожая судьба, которая и меня долгое время удерживала в русском плену (Камская область), могла бы сблизить нас», — фокусируя внимание на общности их судеб, он представляется так в первом письме (23.02.1938) Геро Мергарту. Чуть более пространственный комментарий — в уже упомянутом послании президенту Германского археологического института Мартину Шеде: *«Я — венец, добровольцем на годичной службе был втянут в Первую мировую войну, награжден большой серебряной медалью за храбрость как разведчик артиллерии, в тяжелом бою получил ранение в ногу, которое привело меня в русский плен. Я провел 22 месяца недалеко от Урала, где изучил русский язык. Попал под обмен пленными, а в конце войны был уволен в запас как лейтенант резерва...»* (25.03.1940).

В обоих текстах фигурирует *«область недалеко от Урала», «Камская область»*². Точно зафиксирована длительность его пребывания в плену — 22 месяца. Акцентируется немаловажная деталь: в плену Ганчар в совершенстве овладел русским языком. Этот фактор стал во многом определяющим в его научной судьбе. Как в свое время сибирский плен существенным образом повлиял на занятие сибирскими

древностями Мергарта, так и в случае с Ганчаром превосходное владение языком направило его интерес в русло российской археологии. Но в отличие от земляка-коллеги, которого политические и жизненные обстоятельства вынудили свернуть с этой стези и погрузиться в доисторию северной периферии Альпийского региона, Ганчар был верен своему выбору на протяжении всей жизни — российская и евразийская проблематика оставались приоритетной областью интересов и основной сферой приложения сил ученого.

Послевоенное десятилетие.

На подступах к науке

Годы после Первой мировой — еще один хронологический провал протяженностью в несколько лет: мы пока не располагаем какими-либо сведениями о жизни и занятиях ученого вплоть до 1922 г. В зимний семестр 1922/1923, в уже довольно зрелом возрасте, он приступил к учебе на философском факультете Венского университета, изучая среди других дисциплин *«первобытную историю, этнографию и географию»* (Ганчар — Шеде, 25.03.1940). В списке студентов Ганчар числился до 1929 г., тогда же готовил рукопись своей выпускной хабилитационной работы по древней истории Кавказа, Восточной Европы и Северной Азии, которой он окончательно закрепил свой выбор исследований в пользу евразийской археологии. Среди преподавателей, повлиявших на это решение и его дальнейшую научную карьеру, Ганчар с благодарностью вспоминал Освальда Менгина, легендарную фигуру в европейской археологической науке³.

1930 год...

...был отмечен в жизни Франца Ганчара несколькими важными событиями. Это, во-первых, защита диссертаций его и его жены Анны⁴. Во-вторых, ему на обработку

³ Менгин Освальд (Menghin Oswald) (1888–1973), один из основоположников австрийской археологии, активный сторонник национал-социализма, министр просвещения во времена аншлюса, профессор университетов Вены (1917–1945), Буэнос-Айреса (с 1948), Лампаты (с 1957), чл.-корр. Австрийской Академии наук (1959); см. подробнее: (Kohl, Perez Gollan 2002).

⁴ Ганчар Анна (Hansch Anna) (1894–1981), урожденная Швец, талантливый археолог и незаурядная личность, спутница Ф. Ганчара на протяжении всей жизни. Оставаясь, по сути, в тени своего более известного мужа, пожертвовав собственной научной карьерой, она на долгие годы оставалась его верной помощницей: сопровождала супруга во всех поездках, поддерживала

² Военнопленные австро-венгерской армии стали прибывать в Прикамье с 1915 г. Основной лагерь находился в с. Верхние Муллы под Пермью; см. подробнее: (Тарасов 2014).

были переданы некоторые коллекции венских музеев. Таким образом, в его распоряжении оказался обильный и неизученный доселе материал, знакомство с которым заложило краеугольный камень для дальнейших исследований и дало пищу как минимум для нескольких его этюдов. Венский ученый был одним из первых, кто ввел эти материалы в научный оборот. На 1930 год приходится и начало его переписки с одним из лучших специалистов по евразийской и кавказской археологии Аарне Михаэлем Тальгреном⁵, которая продолжалась до конца жизни финского археолога. К переписке Ганчара с Тальгреном мы будем обращаться постоянно, так как именно она является самым надежным свидетельством происходящих в жизни австрийского ученого перемен. Некоторые эпизоды возможно реконструировать только на ее основе. Этот эпистолярный диалог отличается не только долголетием, но и поражает своей обширностью — 35 посланий, писем и открыток только со стороны Ф. Ганчара, которые хранятся ныне в Национальной библиотеке Финляндии и органично дополняют событийную канву официальной биографии ученого (см. Кузьминых и др. 2025).

Так, из переписки о событиях 1930 г. мы узнаем, что венский археолог работает над «*большой статьёй об ажурных поясных пряжках*», печатание которой, однако, затормозилось из-за «*ограниченности выпуска Венского доисторического журнала*», куда ее обещали поместить. Ганчар, уповая на то, что данная статья крайне важна для укрепления научных связей с Россией и дальнейшей успешной работы на ниве российской археологии, просит включить ее в редактируемый Тальгреном журнал «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» (ESA): «*Без публикации, однако, для*

серьезной деятельности абсолютно невозможно найти и завязать отношения с заграницей — я думаю прежде всего о России из-за возможного путешествия туда <...>. После того, как Вы, уважаемый господин профессор, с начала нашего знакомства самым бескорыстным и любезным образом оказывали нам активную поддержку, я бы хотел обратиться к Вам с просьбой данную работу, как и прилагаемую, — другую, а не вышеупомянутую, — включить в Ваш сборник ESA» (Ганчар — Тальгреному, 4.10.1930).

Речь здесь идет об одной из дебютных публикаций Ганчара, которая в итоге была напечатана в VI выпуске ESA (Ганчар, 1931а). С первых же статей (и эта не является исключением) узнается «фирменный» стиль работ австрийского археолога. Одной из его отличительных особенностей является язык повествования. Это не наукоемкое, утяжеленное специальными терминами и оттого малопонятное широкому кругу читателей изложение, а грамотный, профессиональный, убедительный, логически выстроенный, с тщательно выверенной лексикой, но одновременно — доходчивый и образный текст, доступный для понимания не только специалистам. В нем прослеживаются характерные черты и приемы, к которым часто прибегает ученый, например, к индуктивным умозаключениям: через призму отдельных явлений (например, от описания видов и форм предметов) автор переходит к глобальным выводам и наблюдениями и трактовке общегорь культурно-исторического контекста территории. Другой излюбленный прием — постановка вопроса, предвещающего тот или иной раздел темы. За этим следует основная часть, «тело» исследования, позволяющее наблюдать ход мыслей ученого, который при интерпретации любого вопроса апеллирует как к вещественным «аргументам» в виде предметов из музейных коллекций, так и к документальным материалам. Чаще всего в роли последних выступают опубликованные работы советских и зарубежных авторов. В данном конкретном случае существенная часть доказательной базы основывается на трудах П. С. Уваровой, А. А. Миллера, Г. Кюна, А. М. Тальгрена, Г. И. Боровки, М. И. Ростовцева, но прежде всего — на работе Т. А. Ивановской (1928/1929) о кавказских поясных пряжках.

Ивановская выделяет пять отличных друг от друга групп зооморфных бронзовых пряжек, внутри каждой группы они объединяются в подгруппы по разным признакам (сти-

словом и делом, делила с ним все жизненные невзгоды. Для Ганчара она была еще и личным секретарем: все рукописные послания от его имени написаны ее ровным каллиграфическим почерком, четко разнящимся с почерком супруга, который чаще всего лишь «визировал» письма своей подписью.

⁵ Тальгрэн Аарне Михаэль (Tallgren Aarne Michael) (1885–1945), финский археолог, историк, публицист, общественный деятель, профессор университетов Гарту (1920–1923) и Хельсинки (1923–1945). С 1906 в Государственном Историческом (с 1918 Национальном) музее Финляндии. Секретарь (1919–1920) и председатель (1930–1936, 1939–1942) Финского археологического общества, основатель и редактор его печатного органа журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» (1926–1938); см. подробнее: (Kivikoski 1954; Кузьминых и др. 2015).

лизация, подвид животного). Ганчар расширяет эту классификацию до шести ступеней, введя в нее ранг натуралистичности изображений, который уменьшается или увеличивается в связи с принадлежностью к той или иной ступени. Подробнейшим образом в данной и последующих работах трактуются сюжетные и технологические особенности, морфологические и декоративные элементы каждого подвида, которые также претерпевают эволюционные изменения. С присущей автору скрупулезностью даются условия местонахождения предметов, материал и техника изготовления. Анализируются как отдельные находки, так и комплексы (например, Казбекский клад⁶). При этом Ганчар не ограничивается пересказом уже известных фактов. Он идет гораздо дальше, предлагая свое видение проблемы, рассматривая различные ее аспекты, как-то: происхождение, место и значение в ряду аналогичных явлений и предметов, взаимосвязанных хронологически и территориально. При этом он указывает как на схожесть признаков, так и на локальные различия. Проводя широкие аналогии среди материалов сопредельных областей и усматривая родственные признаки и параллели в иных культурно-исторических общностях, он в итоге настаивает на родстве северо- и южнокавказских культур⁷.

В отношении хронологии автор достаточно сдержан. Он избегает конкретных датировок, объясняя это тем, что требуется анализ наследия всех кавказских древностей данного круга, синтез результатов исследований, в том числе и смежных дисциплин, более глубокое изучение подобных предметов в иных культурах бронзового и раннего железного веков, причем не только Кавказа, но и сопредельных, в первую очередь ближневосточных территорий — в этой связи придает первостепенное значение работе М. И. Ростовцева «Некоторые замечания о луристанских бронзах» (Rostovtzeff 1931). С не меньшей осторожностью ученый формулирует и суждение об истоках данных явлений, указывая, с одной стороны, на возможность скифского влияния, сочетание древнекавказских форм с более поздними — скифскими, очевидное через морфологическое сходство предметов, а с другой — на необходимость более тща-

тельного расследования о корнях звериного стиля в целом.

В этом же этюде проявляется еще одна характерная черта, свойственная как для ранних, так и для более зрелых работ Ганчара: каждая публикация, независимо от масштабности, сопровождается обширным справочным аппаратом и вспомогательными материалами. Рисунки, сводные и сравнительные таблицы, литературные цитаты, обильный перечень литературы, список сокращений, указания для транслитерации произношения русских имен, перечень карт с источниками и таблиц с иллюстрациями, библиография, указатели авторов, географических названий, понятий и терминов, выявленные опечатки, таблицы в приложении — неперенные составляющие научного почерка Франца Ганчара.

Данной публикацией австрийский археолог достиг еще одной немаловажной, озвученной в письме Тальгрону цели, а именно: установление контактов с советскими археологами. Статья получила резонанс, достаточный для того, чтобы привлечь внимание специалистов: *«Моя статья о поясных пряжках способствовала завязыванию ряда новых знакомств в Москве, Варшаве, Тифлисе. Мне также весьма любезно написал Н. Феттих⁸. Он якобы очень удивлен моим интересом, так как среди прочего также спросил, владею ли я русским языком, что очень нас сближает. Его приглашение посетить будапештские коллекции мы надеемся осуществить»* (Ганчар — Тальгрону, 19.04.1931).

Год 1931...

... ознаменовался выходом в свет трех относительно небольших работ. Помимо вышеупомянутой статьи, это «Кавказские поясные бронзовые пряжки из Венского этнографического музея» (Напсгар 1931b), а также научно-популярный этюд «Лопата исследователя» (Напсгар 1931c). Можно сказать, что на них ученый постепенно оттачивает свой публицистический стиль и мастерство. Однако даже в этих скромных по объему очерках прослеживается присущая исследователю скрупулезность, основательность подхода и глубина интерпретации материала.

С первых же работ Ганчар декларирует намерение продолжить публикацию музейных коллекций. Следующим шагом в данном на-

⁶ См. коротко о памятнике: (Скаков 2008).

⁷ Эту мысль он будет последовательно развивать и в последующих работах.

⁸ Феттих Нандор (Fettich Nandor) (1900–1971), известный венгерский археолог и искусствовед; см. подробнее: (Filip 1966: 355; Ковалев, Шереш 2019).

№1. 2026

правлении стала статья о кавказских булавках финала бронзового и раннего железного веков (Напсар 1932) («*работа очень интересная, но непростая, потому что обширная*»). Об этом, а также о грядущем путешествии в Россию он сообщает Тальгрёну (19.04.1931). Эта поездка стала первой в длинной веренице странствований ученого по Европе и Малой Азии. Благодаря содействию финского и советских коллег австрийский археолог смог с пользой использовать свое время в Москве и Ленинграде, получив доступ к хранящимся в Эрмитаже, Историческом музее, ГАИМК и других научных учреждениях богатейшим материалам — коллекциям и документам. Другими пунктами этого научного путешествия стали Берлин, Штеттин, Дрезден, Прага и Хельсинки⁹, где ученый имел возможность лично познакомиться и засвидетельствовать почтение своему кумиру Тальгрёну (Ганчар — Тальгрёну, 19.08.1931).

Работа в таком же ритме и по подобной схеме — научные поездки¹⁰, работа с музейными коллекциями и документальными источниками, публикация одной или нескольких работ — выстраивалась и в последующие годы. Ганчар практически не работал «в стол» — все свои исследования он старался оперативно обнародовать. Методично, практически без пауз, как только заканчивал работу над одним сочинением, без промедления приступал к следующему.

Помимо деловых вопросов и научных тем в переписке с Тальгрёном неизменно возникают житейские мотивы:

- новости из мира науки (например, выход в свет труда О. Менгина «Мировая история каменного века» (Menghin 1931) (Ганчар — Тальгрёну, 19.04.1931);
- перемены в личной жизни (так, из сообщений в письме Ганчара от 12.01.1931 г. мы узнаем о трагическом событии в жизни Тальгрёна — кончине его матери);
- взаимоотношения с коллегами («*Очень непонятно мне, что профессор Ростоцев, который до этого очень оперативно и дружески отвечал на пересылал нам различные отписки, теперь не реагирует ни на мою работу, ни на сопутствующее пись-*

мо. Вы не знаете, уважаемый господин профессор, чего-либо о нем? Может быть, он сменил свое местожительство») (Ганчар — Тальгрёну, 19.04.1931);

- планы дальнейших исследований, благодарности за присланные издания, действие и консультации, традиционные профессиональные вопросы, просьбы о присылке литературы и иных материалов и многое другое.

Год 1932...

... в плане изданий был не слишком урожайным для Ганчара. Статья о кавказских булавках (Напсар 1932) была единственной публикацией того года. Однако это ни в коем случае не свидетельствует о спаде творческой активности: из писем видно, что ученый трудится одновременно как минимум над пятью текстами¹¹. В копилку его ранних работ следует отнести также отзыв об исследовании венгерского археолога Золтана Тота о мече Атилы (Toth 1930) и доклад о проблемах и новейших разысканиях по доистории Кавказа, с которым Ганчар намеревался выступить на совместном заседании Германского и Венского антропологических обществ в сентябре¹².

Не менее насыщена программа поездок: Лондон — Брюссель — запад Германии. Первостепенным по важности событием этого года является участие ученого в I Международном конгрессе доисторических и протодоисторических наук, который проходил с 1 по 6 августа в Лондоне (Богаевский 1932). Внушительное число докладчиков и слушателей (свыше 500) доказало «*живой интерес к тесному сотрудничеству в нашей науке*»¹³ (Напсар 1933b: 65). Своими впечатлениями об этом мероприятии Ганчар делится не только в письмах Тальгрёну — его отчеты о конгрессе, продублированные в журналах «Wiener Prähistorische Zeitschrift» и «Eurasia Septentrionalis Antiqua», были опубликованы в следующем году (Напсар 1933a; 1933b).

Работа конгресса велась по пяти секциям: «Истоки и эволюция прачеловека», «Палеолит и мезолит», «Неолит», «Бронзовый

⁹ К воспоминаниям о Финляндии Ганчар возвращается и позже, в других письмах.

¹⁰ В организации поездок прослеживается определенная закономерность: каждый год — новое направление, несколько городов, чередование кабинетной работы с практическим знакомством с музейными коллекциями и археологическими памятниками.

¹¹ В течение нескольких последующих лет эти работы были опубликованы. В 1932 г. это был скорее задел на будущее.

¹² В официальной библиографии ученого данные работы не указаны.

¹³ Австрию на конгрессе представляли профессор Освальд Менгин и Франц Ганчар с супругой.

и ранний железный век в Старом Свете» (подсекции: «Северная и Западная Европа», «Восток», «Средняя Европа и Западное Средиземноморье»), «Неолит, бронзовый и ранний железный век за пределами Старого Света», «Раннеисторический период». Ганчар приводит внушительную цифру докладов (свыше 150), отмечает широкую географию участников (Лондон, Каир, Иерусалим, Оксфорд, Париж, Алжир, Китай, Кембридж, Франкфурт-на-Майне, США)¹⁴ и не менее обширный диапазон обсуждаемых тем — археология Африки, Китая, Палестины и др. Особое его внимание привлекли доклады Г. Швантеса (Киль) о палеолитических находках из Гольштейна, Т. Арне (Стокгольм) о новых археологических открытиях в Швеции, А. Брейля (Париж) о наскальной живописи, В.Г. Чайлда (Эдинбург) о значении некоторых найденных на Ближнем Востоке типов металлических изделий для хронологии бронзового века Европы, А. Эванса (Оксфорд) о крито-минойском периоде, Г. Кларка (Кембридж) о мезолите в Британии. В своем обзоре Ганчар отмечает доклады о методах исследований: Г. Берсу (Франкфурт-на-Майне) «Доисторические раскопки и музей», Ф. Томпа (Будапешт) «Проблемы доисторических исследований в Венгрии», а также Г. Кюна (Кельн) с гипотезой о прародине индогерманцев. Последний доклад вызвал особый резонанс, породив оживленные дебаты в и без того насыщенном обсуждении дискуSSIONном поле конгресса.

Крайне благоприятное впечатление произвела на ученого организация конгресса — на самом высоком уровне, а также культурная программа — экскурсии дали участникам возможность познакомиться с Великобританией. Единственным эпизодом, омрачившим атмосферу конгресса, но, по признанию в одном из писем (Ганчар — Тальгрёну, 29.09.1933), вовсе не удивившим австрийского археолога, стало для него отсутствие ученых из СССР: «То, что заявленные русские исследователи не приехали, очень прискорбно, так как именно Советский Союз представляет страну, в которой было открыто столь многое и сделано так много важного и решающего для нашей науки. Э.Х. Миннз (Кембридж) приложил усилия, чтобы ознакомить с присланными отрывками докладов г-д П.П. Ефименко (Ленинград) о палеолите в европейской России, Б.Э. Петри (Иркутск) о палеолите Си-

бири и Н.Е. Макаренко о неолитическом месте захоронения у Азовского моря» (Напсар 1933b: 67).

Эллис Ховелл Миннз¹⁵, профессор Кембриджского университета, в этих строках упоминается не случайно. Личное знакомство с авторитетным британским ученым, знатком российской археологии, еще одним европейцем, блестяще владевшим русским языком, стало для Ганчара одним из самых значимых событий той поездки. Английский коллега по достоинству оценил его позитивный отклик о конгрессе (Ганчар — Тальгрёну, 4.02.1933) и выслал ему книгу С. Фокса (Fox 1932). Имя Миннза и в этом, и в последующих письмах возникает не единожды, а периодически на протяжении 1930-х гг. Значительное место в переписке с Тальгрёном в 1933–1934 гг. занимает обсуждение подготовки сборника к 60-летию юбилею британского ученого. На это событие Ганчар откликается одной из самых известных своих работ о родстве археологических культур Кавказа и Луристана (Напсар 1934a). Такому подарку, знаку признательности от друзей и коллег, Миннз был несказанно рад — «выслал фото с томом среди гостей праздника» (Ганчар — Тальгрёну, 9.08.1934).

Можно назвать и иные эпизоды переписки, связанные с английским археологом. Так, Ганчар ожидал его приезда на выставку евразийского искусства в Вену в ноябре 1934 г. Однако тот факт, что развития этой темы в последующих письмах не последовало, позволяет предположить, что запланированный визит не осуществился. Зато как минимум еще одна личная встреча состоялась, по-видимому, в Париже, где Франц и Анна Ганчар были в 1934 г., или в Югославии в 1935 г.: «Миннза мы встретили. После болезни¹⁶ он неплохо отдохнул. Кроме его быстрой утомляемости и связанной с этим боязливостью, он снова любезный, остроумный и с чувством юмора человек. Мы провели с ним, его супругой и дочерью воистину радостные часы» (Ганчар — Тальгрёну, 30.12.1935).

¹⁵ Миннз Эллис Ховелл (Sir Minns Ellis Hovell, в России его звали Иван Егорович) (1874–1953), английский историк и археолог, профессор Кембриджского университета, автор знаменитого труда «Скифы и греки» (Minns 1913); см. подробнее: (Бонгард-Левин 1997).

¹⁶ Симптомы психологической усталости у Миннза давали о себе знать с конца 1920-х гг. Об этом сообщает Тальгрёну (14.03.1929) в одном из писем того времени (РОНБФ, Coll. 230.7).

¹⁴ Среди участников, к примеру, был знаменитый Л. Лики (Кения).

В кембриджском архиве Миннза было выявлено одно письмо Ганчара (27.02.1933), которое носит скорее формальный характер. В нем выражена благодарность коллеге за присылку книги Сирила Фокса «Личность в Британии: ее влияние на старожилов и захватчиков в доисторические и раннеисторические времена» (Fox 1932). Ганчар вспоминает о приятных днях поездки на конгресс в Лондон в августе 1932 г., передает приветы коллегам, по просьбе Миннза высылает два изображения чаш с надписями, входивших в состав одного из кладов из собрания Венского художественно-исторического музея, и две открытки¹⁷. В целом эпистолярное общение австрийского и британского археологов до поры остается вне поля зрения историографов, но по отдельным ремаркам в письмах мы можем судить, что этот диалог был гораздо более интенсивным.

Возвращаясь к переписке Тальгрена и Ганчара в 1932 г., можно выделить еще несколько обсуждавшихся тем. Они довольно стандартны: просьбы о присылке литературы (например, новых публикаций советских ученых), которые сам венский археолог с определенной долей самоиронии метко характеризует как «*попрошайничество*», хлопоты о размещении своих работ в ESA¹⁸, обсуждение рабочих моментов (например, корректуры гранок одной из работ) и некоторые профессиональные вопросы, связанные с уточнением географических названий и изображений (Ганчар — Тальгрена, 15.02, 11.05, 26.10, 8.12.1932).

Год 1933

В этом году общение Ганчара и Тальгрена было достаточно интенсивным. В профессиональном отношении речь по большей части касается двух сочинений: уже упомянутого ранее о связи культур Кавказа и Луристана эпох поздней бронзы и раннего железа (Напсаг 1934а) и не менее известного, часто цитируемого (в том числе учеными СССР и России), — о кобанских топорах (Напсаг 1934б). Работа над объемным трудом «Кавказ — Лу-

ристан» выходит на финишную прямую, однако требует корректуры гранок и доведения текста до требуемого печатного вида (сокращение объема, отказ от некоторых изображений, уточнение текстовых фрагментов в связи с новыми материалами, поправки в очередности иллюстраций и др.) (Ганчар — Тальгрена, 4.02, 26.02, 17.08, 29.09, 27.11.1933). Статья о кобанских топорах, которая до поры находилась в работе, также требовала участия редактора ESA, и не только в плане размещения ее в журнале, но и в отношении профессиональных консультаций и получения недостающих изображений кобанских топоров.

Что касается ежегодных странствий, на сей раз Франц и Анна Ганчар устремляют взоры на Малую Азию и Балканы. Маршрут пролегал через Турцию (Стамбул, Анкара), Болгарию (София, Пловдив) и Румынию (Бухарест). Полученные в ходе поездки сведения были необходимы для обоснования идеи о связи кавказских древностей с переднеазиатскими («*Через мои штудии в Стамбуле и Анкаре я приобрел расширенное познание материала о проблеме развития переднеазиатских топоров и посмотрел на это со стороны*») (Ганчар — Тальгрена, 29.09.1933). «*Великолепная*», но «*утомительная*» (прежде всего, из-за жары) (Ганчар — Тальгрена, 17.08.1933) поездка не только обогатила научный багаж Ганчара новыми материалами, но и обеспечила задел для его дальнейших анатолийских исследований.

В этом же году австрийский ученый, помимо погружения в эпоху бронзы и раннего железа, переключает внимание параллельно на проблемы каменного века — можно сказать, готовит почву для некоторых будущих палеолитических штудий. В его письмах в Хельсинки вскользь затрагиваются и другие вопросы, касающиеся, например, северо-енисейского искусства (27.11.1933), закавказской керамики, которую обрабатывал в свое время И. И. Мещанинов (1926), находок кобанского времени из Предкавказья С. Н. Замятнина (1935) (11.12.1933), посылки по просьбе Тальгрена слепка виллендорфской Венеры (27.11, 11.12.1933). И то, без чего редко обходилось любое из писем, — привычные сетования на отсутствие притока литературы из СССР (11.12.1933). Нельзя не заметить усиление в отношении советско-европейских связей пессимистической тональности, которой отмечены послания тех лет. Австрийский ученый не может в прежнем объеме рассчитывать на материалы и помощь коллег из СССР («*Из России в Вену вообще больше ничего не прихо-*

¹⁷ Коллекционирование открыток и марок было традицией в семье Миннза. Этому посвящено немало строк в его переписке с Тальгреном (Кузьминых и др. 2020).

¹⁸ Следует заметить, что Тальгрена практически всегда предоставлял Ганчару такую возможность. Не случайно в 1931–1938 гг., вплоть до прекращения выпуска ESA, в журнале было опубликовано пять статей венского археолога, с 1931 по 1934 гг. — непрерывно, по статье ежегодно (Eurasia... 1954: 6).

дит») (Ганчар — Тальгрену, 11.12.1933). Это угасание контактов будет нарастать и дальше. Единственным источником информации об археологии Восточной Европы для Ганчара на долгие годы останется его финский друг и коллега.

В году 1934...

...увидели свет уже упомянутые ранее работы о связи кавказских и луристанских древностей и о кобанских топорах (Ганчар 1934а; 1934б). Первая из них — в реальности монография в журнале ESA — является одним из самых востребованных и значимых трудов Франца Ганчара. В нем автор обобщил практически все известные материалы по давно интересовавшей его теме. Предтечей обширного исследования, тем, что сподвигло ученого на разработку этой сложнейшей проблемы, стало изучение переднеазиатских древностей — так называемых «луристанских бронз», с которыми он получил возможность ознакомиться летом 1932 г. в ряде европейских музеев: Британском в Лондоне, Римско-Германском Центральном в Майнце, Первобытной и ранней истории в Берлине и др.

Педантично выверенное повествование, написанное скорее в стиле беседы (постоянная апелляция к читателю, постановка вопросов, на которые Ганчар пытается ответить по ходу изложения), сопровождается традиционными историографическим, историческим, географическим экскурсами, создавая своего рода фон, на котором разворачивается действие. Основное исследование посвящено характеристике культур и культурных общностей бронзового и раннего железного веков, о которых говорилось и ранее (гянджа-карабахской¹⁹, лельварской, кобанской, северокавказской, тальшской). Описание строится по схеме, неотъемлемыми структурными компонентами которой являются географические рамки региона, ареалы культур, история изучения (венский археолог отрицает свое первенство в этом вопросе и называет предшественников, занимавшихся данной проблематикой), свод памятников и находок, характерных для той или иной культуры. Не последнее место занимают и рассуждения относительно хронологии.

Важными признаками-маркерами каждой из культурных общностей Ганчару представ-

ляется способ захоронения, инвентарь, обстоятельный анализ которых он также приводит. Так, свойственными гянджа-карабахской культуре исследователь считает захоронения в одиночных каменных ящиках; в инвентаре своеобразие проявляется в преобладании бронзовых изделий и наличии типичных предметов (кинжалов, наконечников стрел, режы — мечей, бронзовых топоров, булавок, обилие украшений, за исключением фибул, и т.д.). Подробно описывается содержимое могильников кобанской культуры, характерные предметы (фибулы, булавки, топоры), сюжетные стилиевые нюансы (например, изображения всадников, сцен охоты), отчасти также родственные переднеазиатским мотивам. Автор указывает на обширный ареал данной культуры — по обе стороны Главного Кавказского хребта вплоть до Малой Азии.

Значительное внимание уделяется культурам Южного Кавказа — лельварской и тальшской, отличающимся по способу захоронения и инвентарю. Последний претерпевает изменения в зависимости от более ранней или поздней ступени развития. Обе культуры отнесены к раннему железному веку и связаны между собой и с Передней Азией. Обособленные хронологически и стилистически, они вполне коррелируются с кобанской и гянджа-карабахской культурами.

Связи археологических культур Кавказа и Передней Азии в позднем бронзовом и раннем железном веках проходят красной нитью через все повествование. Все рассмотренные культуры, не связанные генетически, но возникшие вдоль торговых путей, Ганчар относит к переднеазиатскому культурному кругу на исходе II и в начале I тыс. до н.э. По его мнению, между 14 и 8 вв. до н.э. в обширном Кавказском регионе возникают интенсивная культурная жизнь и торговый обмен, ориентированные на Переднюю Азию. Эти процессы находят свое выражение в формах бронзовых топоров, поясных пряжек и керамики. Важными факторами, способствующими взаимодействию и контактам носителей этих культур, являлись транскавказские миграции (которые, по мнению австрийского ученого, играли ключевую роль в этих процессах), торговля металлами, импорт разнообразной продукции и сырья.

От типологического описания автор переходит к реконструкции социально-экономической структуры, занятий населения и общественного устройства. Все наблюдения и выводы фиксируются и обобщаются в многочисленных таблицах. О фундаментально-

¹⁹ Совр. ходжалы-кедабекская. Здесь и далее в тексте очерка приводятся названия культур, употребляемые Ганчаром.

сти работы свидетельствует и солидное количество библиографических источников, в том числе ссылки на труды многих европейских и советских ученых.

Эта работа была высоко оценена современниками, она активно цитируется и в наши дни. В своей рецензии австрийский археолог Рихард Питтиони²⁰ характеризует ее как «масштабную работу, основанную на сравнении культур поздней бронзы и раннего железа обеих областей» (Pittioni, 1934), подтверждает справедливость выводов автора о тесных связях культур Закавказья и Луристана. Ценными представляются рецензенту и многие другие выдвинутые в труде положения и гипотезы, например, суждение автора о походах киммерийцев и скифов на Ближний Восток (Там же).

Работа Ганчара «Кобанские топоры в Венском собрании кавказских древностей» (Hаnĉar 1934b) не столь масштабна, как предыдущая, но не менее важна в научном наследии ученого и относится к числу его наиболее цитируемых трудов. Здесь автор в очередной раз подчеркивает исключительное значение Кавказа как транзитного пути, области интенсивного культурного обмена, связующего звена между переднеазиатскими высокогорными и южнорусскими степными культурами, отмечая вместе с тем недостаточную изученность этой территории.

Исследование, которое базируется на изучении кавказских древностей в музеях СССР и Европы, вдвойне ценно тем, что Ганчар вводит в научный оборот неопубликованные материалы древнекобанских погребений из музеев Вены. Одна из самых, по мнению автора, важных культур Кавказа — кобанская — рассматривается через призму анализа трех разновидностей топоров, а также их различных модификаций и подвидов. При анализе каждого вида исследователь остается верным своему стилю, дает детальное описание морфологии, каждого структурного элемента топоров (характерные особенности лезвия, обуха, декора). Помимо внешних признаков, он также приводит данные о химическом составе фрагментов некоторых орудий, процентном соотношении примесей в сплаве, сравнивает полученные результаты с известными ранее и на основании этих данных приходит к несколько неожиданным умозаключениям о схожести химического состава кобанских и сибирских бронз.

При этом Ганчар воздерживается от преждевременных поспешных выводов в надежде, что будущие аналитические исследования внесут свои коррективы. Он также не спешит с гипотезами относительно этноса и языка носителей культуры, ее истоков (хотя и пытается увязать свои наблюдения с яфетической теорией Н. Я. Марра и поддерживает гипотезу о киммерийцах как носителях кобанской культуры, высказывая ряд аргументов в ее пользу). Сравнивая кобанские топоры по обе стороны Главного Кавказского хребта с аналогичными орудиями в Закавказье, Ганчар, однако, отвергает мнение о Грузии как родине кобанской культуры, приписывая ей северокавказское происхождение.

Завершив эти два немаловажных для науки и достаточно резонансных исследования, ученый не собирался почитать на лаврах и приступил к следующим трудам. На сей раз он сосредоточился на проблеме «звериного стиля», готовя «обширную статью» по этой теме²¹. Хотя эти вопросы интересовали его давно, но к их планомерному изучению Ганчар переходит лишь в этом году.

В нашем распоряжении оказалась одна из его работ по этой теме (Hаnĉar 1935b). Фокус исследования сконцентрирован в ней на проблеме кавказского звериного стиля в целом, его истоках, развитии, этнической принадлежности, отношении к иным вариантам звериного стиля. В поле зрения автора в очередной раз попадают практически все значимые памятники региона: произведения кубанской культуры²² медного века в северо-западных предгорьях Предкавказья²³, культуры бронзового и раннего железного веков гянжа-карабахской и лельварской области в Закавказье, кобанской культуры Северного Кавказа и последующих культур раннего железного века.

Отправной точкой рассуждений ученого становятся изделия из захоронений Майкопского (Ошад) кургана²⁴, в которых он усма-

²¹ В библиографии ученого числится две работы с практически идентичными названиями, вышедшие в свет почти синхронно (Hаnĉar 1935a; 1935b). О какой из них конкретно идет речь в письме, судить сложно.

²² К памятникам кубанской культуры медного века в 20–40-е гг. XX в. относили древности (Tallgren 1926), которые в настоящее время объединены в рамках майкопской культуры или майкопско-новосвободненской общности раннего бронзового века (Пиотровский 2011a).

²³ Речь идет, прежде всего, о высокохудожественных изделиях майкопской культуры, выполненных в зверином стиле (Андреева 1977; 1979).

²⁴ См. о памятнике: (Пиотровский 2011b).

²⁰ Питтиони Рихард (Pittioni Richard) (1906–1985), австрийский археолог и востоковед, профессор Венского университета; см. о нем: (Filip 1969: 1043; Urban 2001: 490).

тривает проявления кавказского звериного стиля в его изначальном виде — с древне-восточными корнями и характерным натурализмом древней Месопотамии²⁵. Стилистически близки к ним, считает Ганчар, вишапы Закавказья (крупные, до 5 м, ихтиоморфные каменные скульптуры) и вишапоидные формы, которые встречаются и на Северном Кавказе. В целом автор выделяет несколько стадий развития кавказского звериного стиля: восточная (Майкоп), закавказская и северокавказская. В качестве подтверждения своих аргументов австрийский археолог перечисляет типичные признаки, присущие кавказскому звериному стилю: характерное оформление звериного облика, сочетание схематизма и натурализма в изображениях, сплав реальных и воображаемых образов, абстрактного и конкретного, звериных изображений с геометрическими символами (звезды, кресты, треугольники, круги, спирали). Для каждого типа предметов различных областей характерны свои признаки. Так, в бронзовых поясах гянжа-карабахской культуры отсутствуют растительные мотивы, редко изображаются люди, по поверхности поясов идет широкое обрамление геометрического декора, центральную часть которого заполняют ряды животных (это могут быть олень, козел, собака, птицы и змеи), а также комбинации фантастических образов — лошадь с бычьими рогами, хищник с птичьим клювом и змеиным хвостом и т.д. Керамика этой культуры отличается малыми размерами (7–15 см), округлой формой без выделенной горловины, белой инкрустацией на темной поверхности; декор демонстрирует грубость линий и схематизм зооморфных изображений и др. Подобным образом препарируются и другие культуры — лельварская, кобанская, северокавказская. Рассуждения строятся на историкокультурном анализе, фундамент своих доводов автор цементирует ссылками на труды М. Гернеса, Б.В. Фармаковского, А. А. Миллера, Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, Г.И. Боровки.

В целом же кавказский звериный стиль, по Ганчару, представляет сложный комплексный феномен, в котором можно проследить наложения и черты разных культур (к примеру, скифские). Этот стиль в искусстве автор пытается увязать также с гальштатской культурой Средней Европы (применительно к этому даже использует термин «кавказский Гальштат») и показать его распространение

и воздействие на различные и территориально удаленные области (простирается далеко в Азию, достигает Монголии). Истоки этого явления с достоверностью определить сложно. Зачатки его приходятся, по мнению ученого, на конец II тыс. до н.э. Сведения об истоках носителей кавказского звериного стиля противоречивы — Ганчар приводит ряд версий и гипотез различных авторов, со многими положениями которых не согласен. Однако он не берется определить очаг зарождения данного феномена, считая, что пока недостаточно данных для решения этой сложнейшей проблемы. Теме кавказского звериного стиля ученый придает особенное значение еще и потому, что на его примере в очередной раз последовательно пытается аргументировать уже выдвинутый им в предыдущих трудах тезис о миграциях и культурных связях Кавказа и Луристана в древности.

В отношении ежегодных путешествий Ганчар остается верен традиции, выбирая для своих странствий каждый раз новый маршрут. На сей раз письмо и почтовая открытка Тальгрону приходят из Франции. Здесь австрийский ученый продолжил свое знакомство с археологическими коллекциями музеев Парижа (Сен-Жермен, Лувр, Зоологический, коллекции де Бая, Давида Давид-Вейля) и Лиона. В этих собраниях удалось найти немало любопытных и необходимых для его дальнейшей работы предметов, например, «у де Бая нашли кавказский топор кобанского типа со скульптурным навершием типа луристанских хищников. Он прибудет на выставку «Евразийский звериный стиль» в Вену осенью» (Ганчар — Тальгрону, 9.08.1934).

Предстоящая выставка, посвященная евразийскому искусству, — еще одно значимое мероприятие, занимающее думы и время ученого. Так как тема звериного стиля является одним из приоритетных направлений его интересов, то подготовке выставки он уделяет значительное внимание. Тем более что на ее открытие ожидается приезд сэра Миннза, встреча с которым каждый раз — особенное событие для австрийского археолога. Об открытии выставки он отчитывается Тальгрону (16.10.1934). В этом же письме Ганчар откликается на работу своего бывшего сокурсника Курта Биттеля²⁶ (Bittel 1934): «Вы читали новую книгу «Доисторические исследования

²⁵ Эти идеи позднее были блестяще развиты М.В. Андреевой (1977; 1979).

²⁶ Биттель Курт (Bittel Kurt) (1907–1991), немецкий археолог и востоковед, исследователь Малой Азии, с 1931 руководил раскопками в Богазкёе, в 1960–1972 президент Германского археологического института; см. о нем: (Filip 1966: 127).

№1. 2026

в Малой Азии» (143 страницы, 21 таблица и 1 карта) Курта Биттеля — его хабилитационная работа — в Стамбульских исследованиях 1934? Тем самым заложен фундамент и зафиксирована датировка Трои. Датировка Эберга основательно оспорена. Мне очень любопытно, что Вы скажете по этому поводу». В свете непреходящего интереса Ганчара к ближневосточной тематике, поиска и выстраивания линий и путей, связывающих древние культуры Ближнего Востока и Кавказа, упоминание об этой работе не случайно. Абсолютная и относительная хронология, датировка комплексов находок, отдельных предметов, памятников, синхронность или рассогласованность различных явлений для австрийского археолога и даже для современных ученых, вооруженных новейшими методами исследований, были и остаются самым уязвимым звеном в цепи аргументов в пользу той или иной гипотезы. Поэтому так много внимания Ганчар уделял этим вопросам в своих трудах и так чутко реагировал на изменения и новшества в данной области.

Просьбы о литературе в тот год довольно скромны и ограничиваются запросом об одной из работ Тальгрена о дольменах Северного Кавказа из журнала «Antiquity» (Tallgren 1933a). В письмах этого года читается пугающая тенденция: нарастает оскудение литературы и иссякание ее притока как с Востока, так и с Запада. Как тревожный сигнал расценивает австрийский археолог тот факт, что ESA «в Вене больше не достать» (Ганчар — Тальгрена, 16.10.1934), что журнал можно раздобыть только у самого редактора.

Год 1935...

... был отмечен болезнью ученого и всего двумя письмами с его стороны, которые по объему и обстоятельности, однако, в полной мере компенсируют их скромность в количественном отношении. Серьезные проблемы со здоровьем затрудняют привычный ритм жизни и работы, однако никоим образом не сказываются на качестве исследований Ганчара: в этом году увидели свет три его статьи, над которыми он работал годом ранее. Одна из них, скорее всего, научно-популярного характера, посвящена скифам (Hаnĉar 1935c), в других обсуждаются проблемы кавказского звериного стиля.

Помимо этих публикаций им ведется подготовка одного из двух монументальных трудов о доистории Кавказа — «Древняя история Кавказа от начала его заселения до времени ранней металлургии» (Hаnĉar 1937a). Изданию монографии предшествовали не только

богатый опыт и накопленные в ходе многолетних исследований обширные познания в области кавказской археологии, но и всплеск интереса к Кавказу в Европе, о котором Ганчар пишет (30.12.1935) финскому коллеге («Профессор Кюн и Кондаковский семинар ходатайствовали о моих работах. Интерес к Кавказу, видимо, приобретает более широкий масштаб»).

За французским путешествием 1934 г. следует поездка в Югославию. В рамках «югославского путешествия» ученый преследует цель — проследить интересующие его связи Кавказ — Этрурия, Кавказ — Иллирия, а также стремится получить больше данных в отношении «захватывающей» проблемы кавказского звериного стиля (Ганчар — Тальгрена, 9.08.1935). Однако его не отпускает мысль побывать в России и посетить «южнорусские и закавказские музеи» (Там же) — эта поездка остается желанной, но пока недостижимой в силу отсутствия средств. Неслучайна поэтому эмоциональная реакция Ганчара на сообщение Тальгрена об очередном его «российско-кавказском» путешествии 1935 года. Тот имеет прочные связи с музеями и учеными в СССР (тогда как для австрийского археолога, к примеру, «попытки наладить контакт с Эриванским музеем» потерпели фиаско) и возможность изучать здесь коллекции: «Прежде всего, нас искренне радует, что Вы снова протоптали дорожку в Россию. Но я по собственному опыту знаю, что восточные проблемы, если они раз захватили, больше не отпускают. Легкости, с которой Вы из Хельсинки можете достичь интересных русских музеев, мы завидуем. Для нас такие посещения означают почти что кругосветные путешествия. Поэтому для нас абсолютно невозможно посетить восточную выставку в Ленинграде²⁷, как бы ценно ни было для нас увидеть ее» (Там же).

«Российская тематика» постепенно приобретает все больший удельный вес в переписке. Жалобы на оскудение притока литературы неголословны. Судя по многочисленным просьбам о присылке различных советских изданий, ученый испытывал острый профессиональный «голод» по необходимым ему для дальнейших исследований трудам И.И. Мещанинова «Циклопические сооружения Закавказья» (1932), М.М. Иващенко «Исследования архаических памятников материальной

²⁷ Речь идет о 3-м Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в стенах Эрмитажа (Стрелков, 1937).

культуры в Абхазии» (1935), Г. К. Ниорадзе «Палеолит Грузии» (1934) и др. Некоторые из работ еще возможно было раздобыть в Европе. Так, через О. Менгина, которого в тот год назначили ректором Венского университета, удалось заполучить книгу П. П. Ефименко «Дородовое общество. Очерки по истории первобытно-коммунистического общества» (1934).

Среди советских ученых, о которых Ганчар пишет как об «отзывчивых и любезных» и с которыми планирует наладить конструктивное общение, он называет И. И. Мещанинова, а также «милого человека» С. Н. Зямятина. Особенно настойчиво вопрошает венский археолог Тальгрена об исследованиях А. А. Иессена²⁸. Работы этого автора вызывают особенно бурную его реакцию (к примеру, находит «неприемлемым» суждение того о Майкопе) (Ганчар — Тальгрена, 30.12.1935) и не отпускают и в следующем году («Работа Иессена нам очень понравилась») (Ганчар — Тальгрена, 15.09.1936). В. А. Трифонов полагает²⁹, что причиной столь неравнодушной оценки взглядов Иессена стало негативное отношение советского ученого к миграционным объяснениям элементов сходства в археологических материалах на удаленных друг от друга территориях. Он считал это упрощением в построениях Ганчара, мешающим разобрататься с настоящими причинами данного феномена.

Злоупотребление миграциями (в трудах Вильке³⁰) Иессена раздражало, и едва сдерживаясь, в докладе на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии он твердо отверг гипотезу Вильке и чуть мягче — Ганчара о миграционных связях кубанской культуры с Луристаном (Иессен 1939). В этом докладе Иессен ни словом не обмолвился об идее миграционной связи между второй подгруппой больших кубанских курганов (Царская, Новосвободная) и Европой, которые разделяли Тальгрена и Ганчар (Tallgren 1926; 1931; Hančar 1937a). Отказ от признания культурных контактов Кавказа с Европой Ганчар считал слабым местом в построениях ленинградского коллеги (Hančar 1937a: 339). Сам он этим контактам придавал ключевое

значение, в том числе в свете индоевропейской проблемы. Продолжая полемику с Иессеном, австрийский ученый посвятил немало страниц миграциям с Кавказа, на Кавказ, через Кавказ в книге «Древняя история Кавказа» (Hančar 1937a). При этом Ганчар в целом высоко оценивал труд Иессена (1935) о древнейшей металлургии Кавказа, активно использовал его материалы и аргументы.

В числе предметов, вызывающих особенный интерес австрийского археолога в переписке с Тальгреном, — «раскопанная Миллером в Нальчике статуэтка»³¹, об изображении которой он просит финского коллегу, «доисторическая медная булавка», упомянутая Иессеном, а также бронзовые поясные пряжки с вишапами (Ганчар — Тальгрена, 9.08.1935).

В письмах этого года Ганчар традиционно извещает Тальгрена о планах на будущий год, центральным событием которого обещает стать II Международный конгресс доисторических и протоисторических наук в Осло, к которому он готовит доклад. Однако присутствовать на конгрессе, как и повидаться с финским ученым, ему не довелось.

Год 1936...

... является, по сути, продолжением года предыдущего. В плане научных достижений результаты австрийского археолога, казалось бы, скромны: всего лишь одна статья — «Конь и всадник в древней истории Кавказа» (Hančar 1936), но она определила одно из важнейших направлений его научных поисков на два десятилетия вперед, дала импульс разработке проблематики, которая в отечественной и мировой археологии остается по-прежнему актуальной и востребованной³². Этот год вновь не порадовал путешественниками: вместо заграничных поездок — присутствие на III конгрессе Международного союза по изучению четвертичного периода в Вене, на котором присутствовали, как отмечает Ганчар, советские геологи Г. Ф. Мирчинк и А. А. Блохин «с новыми идеями о хронологизации палеолитического человечества» (Ганчар — Тальгре-

²⁸ Возможно, речь идет о работе «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе» (Иессен 1935).

²⁹ Мы благодарны исследователю за оценку полемики Ф. Ганчара и А. А. Иессена.

³⁰ Вильке Георг (Wilke Georg) (1859–1938), немецкий археолог; см. о нем: (Filip 1969: 1639).

³¹ Речь идет об антропоморфной статуэтке из Агубековского поселения эпох неолита–энеолита близ Нальчика (ныне в черте города) (Кричевский, Круглов 1941: 54, 55, 62, рис. 3: 1).

³² Одним из примеров современных исследований данной темы является коллективная монография «Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург — Самара — Донецк, 2010». К сожалению, ни один из авторов этой монографии ни словом не обмолвился о выдающемся труде Франца Ганчара.

№1. 2026

ну, 15.09.1936). Геологическая тематика стала важна для австрийского археолога еще и потому, что, помимо эпох металла, в сферу его научных интересов вторгаются и древнейшие эпохи. Палеолитические штудии (а их не менее двух десятков) в количественном выражении хотя и уступают исследованиям по бронзовому и раннему железному векам, однако также являются весомой частью научного наследия ученого. Вопросами палеолита, однако, он стал заниматься не сразу: в 1930-е годы Ганчар находился скорее на подступах к этим вопросам, накапливая материал и проводя подготовительную работу. Фокус его внимания в этом направлении смещается в начале 1940-х гг.

Год 1937

В мире беспокойно: японо-китайская война как пролог Второй мировой, военный переворот в Боливии, Гражданская война в Испании. В СССР — год «Большого террора», массовых репрессий и ссылок «врагов народа», в числе которых оказываются и представители самых мирных, далеких от политики профессий, в том числе археологи. Большой потерей для науки в целом и для Ганчара в частности стала расправа над многими из его русских коллег (он упоминает А. А. Захарова, с которым, судя по контексту письма Тальгрёну (21.05.1937)³³, ему удалось общаться лично), именно тогда, когда прогресс в общении с советскими археологами стал набирать обороты.

На фоне этих масштабных глобальных общественных и личных трагедий не столь значимым для непосвященного человека, но крайне удручающим для Ганчара стало полученное от Тальгрёна известие о том, что в ближайшем будущем журнал ESA, единственная для многих западных ученых «форточка» в евразийскую археологию, прекратит свое существование. Судя по частоте, с которой данная тема муссируется в письмах австрийского археолога, факт этот огорчает его чуть ли не больше, чем все мировые катаклизмы, войны и революции («*Мы не можем представить себе нашу науку без ESA. Зазияет невозполнимый пробел, если его не будет*») (Ган-

чар — Тальгрёну, 21.05.1937). Для Ганчара, как и для многих других археологов, это была не только возможность узнавать профессиональные новости, но и размещать свои публикации. Так, в одном из писем редактору ESA он выказывает желание опубликовать «*статью о фибулах с перекладинами*»³⁴ с Северного Кавказа (Ганчар 1938b), которые хранятся в Венском музее естествознания, в очередном выпуске журнала (Ганчар — Тальгрёну, 21.05, 12.09.1937). С прекращением издания ESA утратилась бы и возможность поддерживать контакт с мировым археологическим сообществом. Сетования по этому поводу продолжают и в письмах последующих лет.

Бурные события, беспокойная обстановка в мире и душевные смятения, однако, не мешают ученому совершить очередной научный вояж — на этот раз в Турцию, куда он отправился по приглашению президента Турецкой Республики Мустафы Кемалья (Ататюрка) для участия во II Турецком историческом конгрессе. Здесь он выступил с докладом о связи энеолитических находок в Малой Азии с кавказскими (Ганчар 1937b). Эта поездка, как и предыдущие, обогатила его ценным материалом для дальнейшей работы (Ганчар 1938a; 1940).

В плане изданий этот во многом драматичный год был для Франца Ганчара довольно успешным. Венцом научного творчества тех лет и предметом гордости стал монументальный труд «Древняя история Кавказа» (Ганчар 1937a). Среди обстоятельств, побудивших к его созданию, австрийский археолог называет и вынужденное занятие русским языком в плену, и не в последней степени — советы его наставника Освальда Менгина, который зародил в нем интерес к древней истории Кавказа (Ганчар 1937a: V). В ходе работы исследователю пришлось преодолеть немало сложностей: это обширность и рассеянность «кавказских» коллекций по разным собраниям и странам, трудности в получении профессиональной литературы на русском языке — и в этом вопросе велика заслуга зарубежных (А. М. Тальгрёна, М. И. Ростовцев и др.), но особенно его советских коллег (И. И. Мещанинов, С. Н. Замятнин, А. В. Шмидт, А. А. Захаров, А. А. Иессен и др.). Еще одной проблемой стало постоянное увеличение количества

³³ Помимо трудов А. А. Захарова, Ф. Ганчар был также заинтересован в ознакомлении с книгой С. Н. Быковского «Яфетический предок восточных славян — киммерийцы» (1931). О присылке этого сочинения он просит финского ученого, а в следующем письме сообщает о том, что практически дочитал книгу Быковского (Ганчар — Тальгрёну, 21.05, 12.09.1937).

³⁴ Речь идет о фибулах из раскопанного в 1882–1883 гг. раннесредневекового могильника в обществе Чинухой (Чинахой), располагавшемся в ущелье Чанты-Аргуна в Чечне; см. подробнее: (Даутова, Мамаев 2009: 233, 234).

новых материалов. Осознание того, что изложенные в книге сведения устареют ко времени ее выхода в свет, снова и снова побуждало автора «отложить перо» (Напсар 1937а: VII). И только соображение, что этим трудом будет заложена основа комплексного изучения кавказских материалов, которая послужит на пользу науке нескольких стран, заставило его возобновить работу над сочинением.

Об обширности и фундаментальности труда можно заключить уже из знакомства с содержанием: только перечисление глав книги занимает не одну страницу. Верный традициям своего научного стиля, автор прежде всего дает характеристику географической среды (выделяя три крупных ландшафтных комплекса), описывает современное политико-административное деление обширного Кавказского региона и сопредельных областей, геологические предпосылки, особенности климата и фауны, антропологические эволюционные изменения, делает обзор истории изучения региона (крупнейшие экспедиции, ученые, занимавшиеся данной темой, музеи, где хранятся коллекции), трактует современное состояние проблемы и степень ее изученности. Затем он переходит к рассмотрению в хронологической последовательности ступеней доисторического прошлого этой территории — от нижнего палеолита до энеолита.

Большая часть книги — свод материалов и данных обо всех значимых доисторических памятниках региона. К примеру, для нижнего палеолита — это крымские и кавказские пещеры, гроты, стоянки и местонахождения Киик-Коба, Чокурча, Волчий грот, Шайтан-Коба, Яштух, Арагац, Ильская, для верхнего — Сюреньские гроты, Аджи-Коба, Шан-Коба, Фатьма-Коба, Черкез-Кермен, Кукрек и многие другие. За подробным описанием памятников следует анализ и оценка находок (в первую очередь — каменных орудий). Столь же детально рассматриваются и следующие хронологические ступени: знаковые памятники, поселения, типичные захоронения, некрополи, клады (кладовые комплексы, находки), их суть и значение в общей картине доисторического прошлого Кавказа. Затем делается переход к общему рассмотрению социально-экономических стадий и условий жизни, включая анализ уровня металлургии, искусствоведческих тенденций, культурных связей, очагов возникновения и путей распространения технологий и новшеств. Автор не ограничивается характеристикой памятников в локальном масштабе, а сравнивает их материалы

с европейскими, проводя широкие культурно-антропологические параллели (к примеру, с кавказским и французским мустье), подчеркивая при этом своеобразие местных проявлений и традиций в кавказских древностях.

В финале исследования Ганчар традиционно обращается к различным гипотезам относительно очагов происхождения культур и миграции их носителей (в частности, к предположению об исходе ариев на Кавказ), а также выделяет основные черты кавказской доисторической проблематики. В числе основных вопросов — изначальное заселение Кавказа, территориальная привязка хозяйственно-культурных типов к определенным географическим зонам, роль торговых связей и контактов с ранними культурами Европы и Ближнего Востока. Огромные пласты информации аккумулируются в сравнительных и сводных таблицах, повествование сопровождается схемами распространения памятников и явлений, иллюстрациями, графиками. Структурные разделы зачастую предваряются эпиграфами, которые автор черпает из мирового мифотворчества: строки Вергилия и Страбона придают тексту определенную поэтику и изящество. Эта «лиричность», однако, ни в коей мере не мешает точности и глубине исследования. В своих выводах Ганчар опирается на сугубо научную базу, апеллирует к доводам и аргументам ученых, результатам химических и спектральных анализов, иными словами — оперирует обширным кругом источников.

Этот монументальный труд автор обещает выслать в скором времени Тальгрону, который был одним из первых, к кому Ганчар обратился за рецензией и чье компетентное мнение имеет для него первостепенную важность (Ганчар — Тальгрону, 12.09.1937). Книга получила высокую оценку в профессиональной среде (ее заслуженно отметил и финский коллега) и стала своеобразным катализатором дальнейшего научного роста австрийского археолога.

Год 1938

«Мостиком», перекинутым в год 1938, стала не столь масштабная, но от этого не менее ценная работа о кавказских фибулах (Напсар 1938b). Это относительно небольшой этюд, посвященный анализу еще одной формы кавказских древностей — фибул с перекладинами из раннесредневековых курганов Чечни из коллекции Венского этнографического музея. На основании содержимого 11 могил Ганчар выделяет четыре типа фибул, различных по форме и размеру, и описывает подробно

каждый тип. Данная работа, завершенная еще в 1937 г., тогда же отосланная на правку редактору ESA (об этом в его письмах от 12.09 и 12.10.1937), стала последней статьей австрийского археолога в финальном, XII, выпуске журнала. Высокое качество публикации до сих пор привлекает внимание к ней специалистов по раннесредневековой археологии Восточной Европы и кавказоведов (А.К. Амброс, М.Х. Багаев, Х.М. Мамаев, И.О. Гаврилухин и др.).

Еще одним осязаемым достижением этого года стало издание первой из «турецких» статей (Hаnĉar 1938a). Однако Ганчар не намерен ограничиваться одной публикацией на данную тему. Как следует из письма Тальгрону (7.08.1938), готова к печати статья о культуре Великой Матери в Малой Азии, которая была опубликована двумя годами позже (Hаnĉar, 1940).

В целом же этот год, наполненный как драматическими, так и радостными событиями, можно назвать переломным в карьере ученого. Он ознаменовался чередой важных изменений и новшеств, главное из которых — защита с подачи своего научного руководителя Освальда Менгина докторской диссертации по доистории Кавказа, Восточной Европы и Северной Азии в Венском университете. Это дало Францу Ганчару право на чтение лекций в Венском университете и открыло дорогу к преподаванию. Признанием научного авторитета стало выдвижение ученого на должность вице-президента Венского доисторического общества. Первым шагом на этом почетном посту стало избрание Тальгрена членом-корреспондентом: «Я стал вице-президентом Венского доисторического общества. Моим первым поступком на этом посту было предложить Вас, дорогой господин профессор, в признании Ваших непреходящих великих заслуг в области восточноевропейских доисторических исследований, в качестве почетного члена Общества, что было, само собой разумеется, воспринято с радостью и в искреннем согласии со мной, и нужно будет только получить официальное подтверждение на общем собрании в конце февраля. Пожалуйста, дорогой господин профессор, хоть немного порадитесь этому!» (Ганчар — Тальгрону, 24.01.1938).

Воодушевлением от успехов Ганчар делится с финским коллегой, об исключительной роли которого в его судьбе венский археолог не устает с признательностью повторять в каждом из писем и которого неизменно продолжает просить о присылке литературы.

На сей раз просьбы связаны с книгами и сборниками по каменному веку Сибири, выпускаемыми ESA и другими изданиями (Ганчар — Тальгрону, 24.01, 28.08.1938).

Позитивную в целом окраску года омрачают не только переживания по поводу прекращения издания ESA, но и тревога за здоровье его друга и коллеги — известие о болезни Тальгрена крайне угнетает Ганчара³⁵.

В профессиональном отношении вектор научных интересов ученого немного отклоняется в сторону Сибири, а в хронологическом плане тяготеет также и к палеолиту. Если проводить аналогии с вхождением в археологию его собрата по науке и русскому племени земляка-австрийца Мергарта, который начал погружение в евразийскую археологию с изучения палеолита на Енисее, то в случае с Ганчаром все произошло с точностью до наоборот: занятиям палеолитом предшествовали штудии об эпохах бронзы и раннего железа на Кавказе. 1930-е — начало 1940-х гг. — расцвет его работ по каменному веку.

О Геро Мергарте мы упоминали здесь не случайно. Именно в этом году в обширной сети контактов венского археолога появляется эта немаловажная фигура³⁶. С Мергартом их связывает во многом общность жизненных и научных судеб. Но характер переписки и обсуждаемые темы отличаются от особенностей диалога с Тальгреном. Этот эпизод, как и сам факт переписки австрийского и немецкого археологов, заслуживает отдельного внимания — к нему мы обратимся позднее.

Год 1939

Все научные темы года предыдущего перекочевали в переписку следующего, в котором ученому приходится рассеивать свое внимание параллельно на исследования, связанные с Аладжа Хююк, и на темы, касающиеся доистории Северной Евразии. Однако эти работы увидели свет только в 1940 г. В текущем году изданных публикаций Ганчара не отмечено. Но именно с этого момента в его исследова-

³⁵ Болезнь действительно прогрессировала. По свидетельству Эллы Кивикоски, «в 1937 г. Тальгрэн вынужден был вновь долгое время оставаться в постели из-за серьезного расстройства кровообращения. Он выздоровел, но два года спустя ему пришлось перенести операцию, и после нее он до конца так и не оправился» (Kivikoski 1954: 118, 119).

³⁶ Мергарт Геро фон Бернег (Merhart Gero von Bernegg) (1886–1959), австрийский и немецкий археолог; см. кратко о нем и его трудах (Детлова, Кузьминых 2012) и о пребывании в России (Merhart 2008; Мергарт 2019; 2023).

тельском поле прочно укореняется проблематика палеолита.

В письмах этого года речь идет по большей части об упомянутом выше сочинении о культуре Великой Матери (Hančar 1940). Проволочка с изданием вызывает изрядную досаду австрийского ученого, которая отчасти выплескивается на страницы его писем (Ганчар — Тальгрёну, 5.05, 29.06.1939). Как и раньше, искреннее огорчение ему доставляет прогрессирующее ухудшение здоровья финского коллеги. Что, впрочем, не препятствует Ганчару обращаться к Тальгрёну за издательскими новинками, например, с просьбами о свежих выпусках журнала «Советская археология» («*Может быть, Вы хотя бы имеете представление, выходит ли далее Сов[етская] археология? У нас есть 4 тома, и мы хотели бы попытаться приобрести следующий том (5 или 6), так как я совершенно без новой литературы по нашей специальности*» (Ганчар — Тальгрёну, 29.06.1939).

Начало 1940-х гг.

В это время объем и интенсивность переписки Ганчара и Тальгрёна продолжают угасать. Эпистолы становятся все более лаконичными, то сжимаясь до почтовых карточек в несколько строк, то подрастая до чуть более пространственных посланий. Зачастую австрийский археолог ограничивается лишь поздравительными открытками к Новому году, пожеланиями здоровья и успехов к 60-летию юбилею финского коллеги (8.02.1885) и краткими сообщениями о завершении работы над очередной публикацией. Год 1940 обогатил этот эпистолярный диалог лишь двумя письмами. Любопытно, что такое «эпистолярное затишье» совпало с активным продвижением Ганчара и его востребованностью в Третьем Рейхе. То, что он пользуется относительным расположением власть предержащих, могло стать одной из причин некоторого отдаления его от Тальгрёна. Пытаясь извлечь из такого общения некоторую пользу для себя и своей работы, Ганчар не мог не знать о крайне негативном отношении финского археолога к установившемуся режиму и тогдашним функционерам от науки в Германии³⁷.

Впрочем, на тональности переписки ученых это обстоятельство никак не отразилось:

и в эти годы она остается ровной, неизменно дружелюбной, без эмоциональных всплесков.

Библиография Ганчара в этот год пополнилась на четыре работы (Franz Hančar... 1962: 306). Наиболее значимой среди них была, безусловно, монографическая публикация «К проблеме статуэток Венер в позднем палеолите Евразии» (Hančar 1939/1940). От этапа сбора материалов в области палеолита исследователь перешел к их анализу и публикации. То, что его внимание в начале 1940-х гг. было сфокусировано на проблематике палеолита, может быть сопряжено еще и с тем обстоятельством, что в марте 1940 г. завязывается активная переписка ученого с Германским археологическим институтом. Для новой власти «палеолит Ганчара» оказался более притягательным, нежели прежние его труды.

Франц Ганчар и Германский археологический институт

Взаимоотношения Ганчара с Германским археологическим институтом (DAI) — особая страница и заслуживает отдельного рассмотрения. Благодаря документам из архива DAI стало возможным в общих чертах реконструировать этот своеобразный эпистолярный «полилог», участниками которого стали сам венский ученый, тогдашний президент института Мартин Шеде³⁸, директор Государственного музея первобытной и ранней истории в Берлине Вильгельм Унферцагт³⁹, а также Прусская Академия наук и Имперское министерство науки, воспитания и народного образования.

Прологом истории послужило письмо (21.03.1940) из Прусской Академии наук президенту DAI Мартину Шеде о том, что в ведомство поступило письмо-обращение от австрийского археолога Франца Ганчара с просьбой о содействии его исследованиям

³⁸ Шеде Мартин (Schede Martin) (1883–1947), немецкий археолог, специалист по классической археологии, в 1937–1945 Президент Археологического института Третьего Рейха; см. подробнее: [www.de.wikipedia.org/wiki/Martin_Schede].

³⁹ Унферцагт Вильгельм (Unverzagt Wilhelm) (1892–1971), немецкий археолог, профессор, с 1925 научный сотрудник, в 1926–1945 директор Государственного музея первобытной и ранней истории в Берлине. С 1947 научный сотрудник, с 1949 штатный член, с 1952 председатель секции первобытной и ранней истории Германской академии наук в Берлине, в 1953–1963 директор Института первобытной и ранней истории Германской академии наук. Обладатель Национальной премии в области науки (1959). Издатель «Журнала по первобытной истории» (с 1927) и журнала «Раскопки и находки» (с 1956); см. подробнее: (Filip 1969: 1552–1553).

³⁷ А. М. Тальгрён со всей ясностью выразил негативное отношение к практике тоталитаризма в Германии и СССР в ряде своих печатных работ (Tallgren 1936; 1937) и в переписке с коллегами.

и о финансировании научной поездки ученого в Россию. Запрос был принят к рассмотрению, однако было указано, что процесс этот довольно длительный, займет 4–6 недель. Кроме того, требуется дополнительная информация: оценка профессиональным сообществом значимости работ Ганчара для науки и «верительные грамоты», то есть рекомендации со стороны Археологического института Третьего Рейха. С этой целью в Академии наук венскому ученому посоветовали обратиться непосредственно к Шеде.

Начиная со следующего письма, на сцене появляется сам Ганчар. Письмо ученого от 25.03.1940 — самое пространное за всю историю его переписки. Как следует из вступительных строк, не будучи лично знакомыми, они, тем не менее, неоднократно пересекались с президентом Шеде на различных научных мероприятиях, «в 1933 году в Стамбуле и в 1939 в Берлине» (Ганчар — Шеде, 25.03.1940). И далее следует, по сути, практически полная биография исследователя, озвученная им самим. Помимо участия в Первой мировой войне, обстоятельств плена, мы узнаем, что он «изучал в Венском университете первобытную историю, этнографию и географию. Короткое время директор Биттель был моим сокурсником. Мой научный интерес был с самого начала всецело направлен на доисторические проблемы Восточной Европы. И в моей диссертации речь идет о доистории Кавказа» (Там же).

Этот пассаж предвещает дальнейшее изложение причин и обстоятельств, побудивших в свое время Ганчара вести исследования в означенном русле, а также его первых шагов на этом поприще. Им двигал не только сугубо научный интерес. Одну из задач своей научной миссии он видел в необходимости «способствовать тому, чтобы труднодоступные знания о доистории Востока транслировать в Европе» (Там же). В качестве практических результатов своей деятельности Ганчар приводит список из 13 основных работ, обладающих наибольшей научной ценностью. В первую очередь он представляет свой самый масштабный до тех пор труд по доистории Кавказа (Hansch 1937a), указывая, что работа в этом направлении далека от завершения и что планируется второй том. В нем предполагается обнародовать неопубликованные доселе коллекции «кавказских, южнорусских, армянских и луристанских древностей» (Там же), которые хранятся в Вене, Берлине и, конечно, в музеях СССР. Тем самым Ганчар надеется продолжить традиции, заложенные его знаменитыми предшественниками (Р. Вирхов

и др.), которые принесут славу немецкой науке, продемонстрируют миру «наше германское богатство» и «нашу научную работоспособность» (Там же).

Для реализации этих грандиозных задач необходимо ознакомление с указанными выше коллекциями, а также иными музейными фондами и результатами новейших раскопок. Этот план предполагает пребывание в ряде городов и стран. Первым этапом такого путешествия должен стать Берлин, где автор письма рассчитывает провести около трех месяцев, для чего испрашивает стипендию, покрывающую его расходы на организацию поездки. Ганчар делает акцент на то, что и его издательская деятельность, и практически все его научные поездки (за исключением турецкого путешествия, которое он совершил по приглашению и при материальной поддержке Турецкой исторической комиссии и лично Мустафы Кемаля) осуществлялись «из собственных сбережений и фактически при больших лишениях» (Там же). Повествуя далее о своем положении и финансовой ситуации, Ганчар указывает на стесненность в средствах, обусловленных крайне низким уровнем своего заработка в качестве доцента, — смехотворной суммой в 29 рейхсмарок. Это несовместимо с проведением исследовательской деятельности, сопряженной со значительными расходами. Для того, чтобы обеспечить минимальное содержание себе и семье, ученый был вынужден совмещать научные занятия с профессией муниципального служащего с ежемесячным содержанием в 380 рейхсмарок. Это обстоятельство и постоянное отвлечение от научной работы ни в коей мере не способствуют крайне важным для мировой науки исследованиям, а только тормозят их («вследствие такого зарабатывания на хлеб я не могу свободно распорядиться собой, как это необходимо для моих научных работ») (Там же).

В пользу своей просьбы о выделении ему средств Ганчар приводит весомый довод: «Насколько я знаю, я единственный представляю в Университете Рейха первобытную историю той области земного шара, которая необходима для правильного обзора всей доистории, но лишь незначительно известна большинству коллег» (Там же)⁴⁰.

⁴⁰ Этот тезис об исключительной ценности его как единственного в германоязычном пространстве специалиста по восточноевропейским областям он неоднократно повторяет и впоследствии, в частности, в письмах к Г. Мергарту.

В качестве дополнительных аргументов автор письма указывает «на особую компетентность в этих областях и способность сделать это с максимальным научным эффектом при минимуме временных затрат» (Там же), а также на свои моральные качества — честность и добросовестность в плане трат, что гарантирует аккуратное и экономное отношение к полученным средствам.

Ответ от Мартина Шеде, также довольно обстоятельный, последовал оперативно. В свете политики, проводимой властями Рейха, и пристального интереса к восточным территориям, обращение венского археолога было воспринято достаточно благосклонно. Но Шеде был вынужден с сожалением констатировать, что вопрос о научных связях с Россией далек от разрешения — имеются определенные сложности в плане переговоров Имперского министерства науки, воспитания и народного образования с русскими ведомствами. Однако есть надежда на успешное его урегулирование и в течение нескольких недель результат будет известен. В случае положительного исхода DAI будет обязательно подключен к процессу оформления этих отношений — тогда появится удобный случай и возможность хлопотать о продолжении «кавказских штудий» Ганчара на территории Советской России. Вопрос же финансирования в любом случае остается вне компетенции института. С этим запросом Шеде советует обратиться непосредственно к рейхсминистру Бернгарту Русту⁴¹, изложить просьбу, подробно описать свои заслуги и подчеркнуть актуальность изучаемых тем для немецкой науки. Со своей стороны президент DAI также будет ходатайствовать перед министерством о выделении Ганчару необходимой суммы, а также о предоставлении тому долгосрочной стипендии, которая позволит «жить в науке, не отвлекаясь на побочную работу» (Шеде — Ганчару, 18.04.1940).

Столь позитивный отклик со стороны ведущего профессионального учреждения и внимание властей Рейха к его занятиям не могли не порадовать венского археолога. Однако в своих честолюбивых стремлениях он идет дальше. Должность доцента, которой Ганчар довольствовался до сих пор, тем более неоплачиваемая, его не устраивает. По совету своего

наставника О. Менгина он намеревается просить рейхсминистра о назначении его внештатным профессором, курирующим в Венском университете исследование восточных стран, — это в полной мере соответствовало бы «культурно-политическим потребностям Рейха» (Ганчар — Шеде, 31.06.1940). Заканчивает свое письмо Ганчар изъяснениями благодарности за поддержку и призывами к дальнейшей помощи и покровительству.

Шеде исполняет данное коллеге обещание. В письме от 15.07.1940 рейхсминистру Русту он позитивно отзываясь о Ганчаре, высоко оценивает его работу (как и профессор В. Унферцагт и доктор И. Вернер) и поддерживает его притязания. Указывая на стесненное материальное положение доцента Венского университета, он считает просимую тем сумму в 1500 рейхсмарок на поездку обоснованной и справедливой. Кроме того, озвучивает и просьбу о введении внештатной профессуры по доистории юго-восточных и восточных стран в Венском университете и назначении Ганчара на эту должность. Именно это направление исследований представляется президенту DAI приоритетным в новых реалиях и его попечение — первостепенная задача властей. На этом он вновь акцентирует внимание в повторном письме в министерство науки и образования: «В беседе, которая недавно состоялась с 2-м рейхсминистром Рустом, он выразил особый интерес к южнорусским областям. Кроме того, недавно были изданы директивы о завязывании научных отношений с Советским Союзом. В этой связи я бы хотел еще раз напомнить о моем обращении от 15 июля сего года — вход. № 5673/40. 1601 — о д-ре Ганчаре из Вены и повторно вступить, чтобы вытаскать его из его совершенно недостаточного положения и обеспечить кафедрой первобытной истории. При установлении научных отношений с Южной Россией этот исключительный знаток русских, кавказских и сибирских древностей просто незаменим» (Шеде — советнику министра Х.В. Фрею, 6.12.1940).

Ходатайство со стороны президента DAI возымело действие. В официальном ответе, который последовал 21.02.1941 г., сообщалось о решении вопроса в пользу венского археолога, поездка Ганчара в Берлин на научную стажировку на три месяца была одобрена. На период поездки ему предоставлялся отпуск, для этой цели было предписано выделить из средств DAI 1500 рейхсмарок. Одобрено было также выделение запрошенной

⁴¹ Руст Бернгард (Rust Bernhard) (1883–1945), в 1934–1945 рейхсминистр, возглавлял Имперское министерство науки, воспитания и народного образования; см. о нем: [www.en.wikipedia.org/wiki/Berhard_Rust].

Ганчаром на организацию поездки части суммы в 300 рейхсмарок⁴².

За увенчавшиеся успехом хлопоты, поддержку и содействие в решении вопроса доцент Венского университета в каждом письме (25.03.1941 и др.) не устает благодарить Шеде, который в силу своего научного и общественного веса сумел привлечь внимание властей к персоне Ганчара.

Однако радость из-за успешного решения вопроса оказалась несколько преждевременной. Неожиданным препятствием для реализации поездки стало возражение Вильгельма Унферцагта, директора Государственного музея первобытной и ранней истории в Берлине. Содержание запроса Шеде Унферцагту от 29.11.1940 г. в общих чертах повторяет аналогичное в министерство науки: Шеде описывает выдающиеся заслуги Ганчара перед немецкой наукой, а предложение о внештатной профессуре подкрепляет соображением, что тот «на сегодняшний день является нашим лучшим специалистом по русским, кавказским и сибирским древностям и занимает в этой области почти что монопольное положение. При возобновлении научных связей с Советским Союзом он столь же полезен, сколь и необходим» (Шеде — Унферцагту, 29.11.1940). В следующем послании Унферцагту Шеде информирует о положительном заключении из министерства по делу Ганчара и распоряжении выделить тому 1500 рейхсмарок на осуществление стажировки в Берлине.

Целью письма является, однако, вопрос о целесообразности организации поездки — мнение Унферцагта в этом плане имеет первостепенное значение (Шеде — Унферцагту, 27.03.1941). Ответ последовал незамедлительно, на следующий же день. Унферцагт категоричен: путешествие, а, следовательно, и выделение средств на него до поры бессмысленно — коллекции упакованы и увезены в безопасное место в связи с ухудшением обстановки в условиях военного времени. О намерении Ганчара ему было известно еще в мае прошлого года, так как означенный ученый

лично запрашивал его о возможности стажировки в Берлине и ознакомлении с тамошними коллекциями. Но на тот момент положение было более благоприятно, фонды были доступны для изучения, вероятность организации поездки была выше. Самым правильным в сложившейся ситуации будет предложить венскому археологу перенести визит на более подходящее время (Унферцагт — Шеде, 28.03.1941). Эти доводы, как и предложение об изменении сроков поездки, озвучил в свою очередь Шеде в очередном письме Ганчару (1.04.1941).

Пусть небольшим, но все же утешением для австрийского археолога явилось единогласное решение центральной дирекции DAI об избрании его своим членом-корреспондентом. В формулировке назначения было указано: «Своими всеобъемлющими и глубокими исследованиями в области кавказской археологии Вы сослужили археологической науке совершенно исключительную службу и добились выдающегося положения в профессиональном сообществе» (дирекция DAI — Ганчару, 9.10.1941).

Все это время Ганчар не переставал упорно трудиться. В годы войны было издано 13 его работ (Hančar 1941; 1942; 1943a; 1943b; 1943c; 1944; 1945), в одном только 1943 — шесть (Franz Hančar... 1962: 306).

После 1944 г. ученый на довольно длительный срок прервал переписку с DAI и возобновил ее только в 1960 г. Но эта «реинкарнация» не была продолжительной и ограничилась единственным сохранившимся в анналах института письмом на имя тогдашнего Президента DAI⁴³. Это послание носит скорее формальный характер и ограничивается ответными поздравлениями Ганчара коллег с Новым годом и — не без горькой иронии — благодарностью за то, что его еще помнят (Ганчар — дирекции DAI, 1.01.01960).

Этот эпизод — эпистолярное общение Ганчара с официальными структурами и чиновничьим аппаратом Третьего Рейха, как и факт его членства в НСДП в годы войны — ни в коем случае не клеймит его как адепта новой идеологии. Практически всем ученым, которые находились в аналогичных условиях, приходилось делать выбор: идти на компромисс с властью в обмен на возможность заниматься делом всей жизни, сохраняя определен-

⁴² С устройством кафедры в Венском университете сложилась не вполне понятная ситуация. С одной стороны, Ганчар в письмах Шеде в 1940–1941 гг. сетует на необходимость обустройства оной и назначения его на должность внештатного профессора. Но согласно сведениям из архива Венского университета, Ганчар все-таки был назначен на должность внештатного профессора, причем дважды — в 1944 и 1950 гг. В числе профессоров университета он, однако, не числился.

⁴³ Видимо, речь идет о Эрихе Берингере (Erich Max Boehringer) (1897–1971), который возглавлял DAI в 1954–1960 гг.

ную степень нейтралитета и не предпринимая противоречащих режиму действий, либо распрощаться с карьерой, мечтой о науке и преподавании (а порой и с жизнью). Быть может, такое непротивление власти в случае с Ганчаром могло еще сочетаться с надеждой, что нынешние вершители судеб Германии оценят то, чего не замечали в прежние времена. Возможно, не в последнюю очередь сказались и влияние его учителя О. Менгина, рьяного поборника нового порядка.

Впрочем, о подлинных мотивах этого поступка можно лишь догадываться. С уверенностью можно утверждать лишь то, что это общение принесло австрийскому археологу больше вреда, нежели пользы, довольно негативно отразилось на дальнейшей судьбе ученого, а также, вероятно, стало одной из причин того, что его имя на долгое время было предано забвению. К этому добавилось и то, что имя Ганчара «всплыло» на Нюрнбергском процесс — власти Рейха в 1943 г. просили его заняться систематизацией археологических материалов, вывезенных из музеев Северного Кавказа (Майкоп, Ставрополь, Нальчик) (Nazi conspiracy... 1946: 516, 517). Неизвестно, согласился он или нет, но на отношении к ученому после войны это не могло не сказаться.

После денацификации Ганчар сумел сохранить должность и удержать позиции и влияние в научном мире, но не смог сохранить прежние коллегиальные связи, прежде всего на Западе, и оказался практически в изоляции. Нехватка внутрицехового общения сказывалась довольно болезненно, а непродолжительная востребованность и эфемерные надежды в условиях нового миропорядка не принесли ученому внутреннего удовлетворения и прогресса в творческом росте. «К сожалению, кажется, что мое движение вперед зашло в тупик» (Ганчар — Тальгрону, 2.03.1942) — с горечью признается он финскому наставнику и другу.

Хотя и в диалоге с Тальгреном с начала 1940-х гг. наблюдается явная тенденция к свертыванию общения, письма приобретают скорее формальный, нежели личностный характер, и следуют с годичным интервалом: в 1942 г. — сообщение об издании уже упоминавшихся выше сочинений о палеолите Восточной Европы (Ганчар — Тальгрону, 2.03.1942); в 1943 г. — о выходе в свет публикации об Аладжа Хююк и мечте когда-нибудь посетить Анатолию вместе с Тальгреном (5.04.1943); в 1944 г. — поздравления и благопожелания финскому коллеге в честь его 60-

летия (12.01.1944). И письмо «под занавес» — сетования на злополучную войну, которая привела к «физическому истощению», приветы и надежды на хорошие вести (19.06.1945) — своего рода исповедь, которая подводит черту под долгим эпистолярным диалогом и дружбой ученых. «Единственное, что сохранилось нетронутым», чего не смогли разрушить годы и политика, — это «любовь к нашей науке», которая поддерживала обоих ученых в это непростое время (Там же).

Эту последнюю весточку от австрийского коллеги, проявление дружеского внимания адресат, увы, уже не смог прочитать. Франц Ганчар, скорее всего, тогда просто не знал о смерти своего наперсника и друга (13.04.1945). В 1940-х гг. обрывается и его переписка с Г. Мергартом. Но если в первом случае это обусловлено естественными причинами (кончиной Тальгрена), то прекращение общения с земляком не вполне объяснимо. Начиналось все достаточно оптимистично и многообещающе.

Франц Ганчар и Геро Мергарт

Преамбулой в отношениях ученых явилась переписка Мергарта с Тальгреном. Имя Ганчара впервые упоминается в письме финского археолога в Марбург (9.12.1932): Мергарт, которого собираются делегировать для раскопок на Кавказ, в область, представляющую в тот момент большой интерес для немецкого правительства, специализируется все же на древних культурах Сибири и нуждается в профессиональной консультации со стороны знатока в области кавказоведения. Самым компетентным в этих вопросах европейским исследователем Тальгрэн считал Ганчара, к которому и посоветовал обратиться: «Пожалуйста, напишите д-ру Францу Ганчару, Вена, Коллергассе 10. Он знает закавказскую археологию. Он может быть Вам полезен. <...> Я посылаю лишь 3–4 брошюры, но поезжайте в Вену, посетите Ганчара (супруга Г[анчара] также толковый археолог, они были вместе в России в 1931 г.) и Вы будете знать все, чего, быть может, еще сами не знаете» (Тальгрэн — Мергарту, 9.12.1932).

Мергарт в силу неясных до поры обстоятельств воздержался от рекомендованной ему финским археологом поездки в Вену («Ганчар, Вена, пишет, что Вы его не посещали») (Тальгрэн — Мергарту, 6.04.1933). Тальгрэн все же предлагает коллеге помочь ему с литературой о Кавказе и ссылается на одну из работ Ганчара; «У меня был трактат Ганчара Кавказ + Луристан и часть этой же работы

будет опубликована в юбилейном, посвященном Миннзу, сборнике» (Тальгрэн — Мергарту, 15.06.1933)⁴⁴.

Поездка Мергарта на Кавказ в итоге не состоялась, а общение его с Ганчаром завязалось лишь пять лет спустя, в 1938 г. Инициатором переписки на сей раз выступил венский археолог, к тому времени автор уже нескольких крупных работ, только что защитивший докторскую диссертацию по доистории Кавказа, Восточной Европы и Северной Азии, и приступивший по просьбе О. Менгина к чтению лекций по палеолиту Северной Азии в Венском университете. В первом письме Мергарту (23.02.1938) он представляется, указывает на схожесть их судеб (русский плен в годы Первой мировой войны), родственные круги интересов, и говорит об иронии судьбы, которая не свела их раньше. Мергарт откликнулся на письмо коллеги оперативно и очень благожелательно: «Конечно, в чем-то коично, что мы еще никогда не встречались. Но это не должно препятствовать тому, чтобы наилучшим образом пойти навстречу Вашим желаниям <...>» (Мергарт — Ганчару, 7.03.1938). Однако с первых же строк он отклонил высказанную в письме просьбу о посредничестве с Сибирью, объясняя это тем, что все связи с русскими учеными окончательно и бесповоротно прервались в начале 1930-х гг. Также он был вынужден отказать коллеге в присылке многих из своих работ, за исключением раздела «Сибирь, Б: Неолит» в словаре Макса Эберта (Merhart 1928) — тираж большинства публикаций, в частности, просимого сочинения о палеолите Афонтовой горы (Merhart 1923), полностью разошелся. Но с Ганчаром он делится немногими оставшимися у него экземплярами публикаций сибиряков; среди них — «Сибирский неолит» Б.Э. Петри (1926), отчет красноярских археологов по Афонтовой горе II (Ауэрбах 1930) и др.

Переписке не свойственна регулярность и стабильность. Два письма 1941 г. — обсуждение рабочих моментов, связанных с обменом информацией и литературой. Затем — затишь, которое длится шесть лет и прерывается в 1947 г.⁴⁵ Тот год собрал богатый урожай из семи писем (это самый интенсивный период, пик диалога), которые следуют одно за другим каждый месяц. Основные темы: но-

вости о жизни (например, серьезные проблемы со здоровьем у Ганчара, который провел «8 недель в госпитале» (Ганчар — Мергарту, 2.04.1947); поздравления к праздникам, уведомления о текущей работе и публикациях. Ганчар в эти годы продолжает чтение лекций в Венском университете — курс «русских» лекций и всеобщий курс о проблемах и результатах доисторических исследований» (Там же), трудится над статьями о специфике и связях между культурами Кавказа и Европы (гальштат) в раннем железном веке (Напсар 1947), о сибирском палеолите⁴⁶, завершает статью «Скифы как исследовательская проблема» (Напсар 1950а), в которой дает обзор достижений в скифологии за два десятилетия, а также работает над другими сочинениями. По просьбе Мергарта он выслал некоторые заинтересовавшие того публикации, а именно: «Расписная керамика Закавказья в свете новых находок»⁴⁷ (Напсар 1944), «оттиск киммерийской работы» (Напсар 1947) и др. (Ганчар — Мергарту, 29.06, 3.08, 9.11.1947, 4.10.1948). Ответные письма Мергарта: «бумерангом» — поздравления с праздниками и пожелания успехов, просьбы о статьях, ностальгия по «восточным» исследованиям и Сибири (Мергарт — Ганчару, 29.05.1947). Относительно русских коллег Мергарт вспоминает в первую очередь о Г.П. Сосновском⁴⁸, своем бывшем ассистенте и ученике в Красноярске, о судьбе которого долгое время пребывал в неведении. Именно от Ганчара (9.11.1947) Мергарт узнал о смерти Сосновского во время блокады Ленинграда в 1941 г.

Имя Тальгрена, их общего друга, как ни странно, возникает в переписке лишь единожды — когда речь заходит о сборнике в честь финского ученого, изданном его учениками (Strena... 1945); Мергарт и Ганчар были в чис-

⁴⁶ О какой из работ Ганчара идет речь, не вполне ясно. В официальной библиографии ученого трудов с названием, имеющим непосредственное отношение к сибирскому палеолиту, не отмечено.

⁴⁷ Работа могла заинтересовать Мергарта, так как свою профессиональную деятельность он начинал именно с трудов, связанных с керамикой, и в дальнейшем уделял этим вопросам значительное внимание. Его первая студенческая работа — «Захоронения с расписной керамикой из Байльнгриса (Верхний Пфальц)» (Merhart 1912).

⁴⁸ Сосновский Георгий Петрович (1899–1941), археолог, ученик Б.Э. Петри и Г. Мергарта, в 1930-е ведущий исследователь палеолита Сибири, автор трудов о каменном, бронзовом и железном веках Азиатской части СССР; см. подробнее: (Китова 2010; Вдовин и др. 2012).

⁴⁴ Речь идет о работе (Напсар 1934а).

⁴⁵ Скорее всего, элементарно не сохранились письма, потому что общение не возобновляется, а продолжается.

ле приглашенных авторов. Участие в подобных юбилейных сборниках, впрочем, не было для австрийского археолога чем-то исключительным: он — автор минимум 10 статей, посвященных коллегам, начало которым положила уже упоминавшаяся статья в честь Миннза в 1934 г. Для Ганчара это был способ выразить свое искреннее уважение и отдать дань заслугам коллег («Обо всех моих юбилейных статьях (Миннз, Тальгрэн, Казаров) меня просили <...>») (Ганчар — Мергарту, 3.08.1947).

Однако именно случай с одним из таких «посвящений» чуть не стал причиной разлада Ганчара с немецкими коллегами и едва не рассорил его с Мергартом. В 1947 г. мюнхенские археологи⁴⁹ задумали издать сборник к 75-летию легендарного немецкого историка Пауля Райнеке⁵⁰. По словам Мергарта, сложилась ситуация, когда поучаствовать в этом издании не было отбоя от желающих («Ограничили количество соучастников, так как 67 авторов из моего сборника для издания ныне гигантская задача») (Мергарт — Ганчару, 21.07.1947). Отбор авторов был довольно жестким. Но какими соображениями руководствовались составители и издатели при этом, было непонятно даже Мергарту, который имел к вопросам организации издания косвенное отношение. Однако обрисовывая ситуацию коллеге из Вены, он позволил не вполне корректное замечание («...> есть, разумеется, множество коллег, которые охотно бы желали связать возможность публикации с почитанием к «чествуемому») (Там же). Ганчар, изначально крайне заинтересованный в публикации (о возможности поучаствовать в сборнике он осведомляется в письме от 29.06.1947 г.), удручен отказом. Более того, он чувствует себя задетым этой сентенцией и отношением к своей — в то время уже вполне авторитетной в научных кругах — персоне: «<...> невозможно, чтобы Вы причислили меня к коллегам, которые гонятся за любым шансом публикации <...> я уверяю Вас, что скорее засуну в печь свои работы, пре-

жде чем где-либо буду навязываться <...> Нельзя не принять во внимание, что в данный момент я единственный австрийский представитель доисторических исследований, который обладает международной известностью, и далее нельзя упустить из виду, что я также единственный активный специалист по Востоку, для которого эта область исследований является делом всей жизни. Из этих лишенных тщеславия, ответственных соображений и перед лицом творчества Райнеке мое сотрудничество как специалиста по русской доистории мне казалась обязательным при его честовании» (Ганчар — Мергарту, 3.08.1947). Гнев и раздражение ученого подогревались еще и сложностями в отношениях с новым руководством университета («<...> я узнал о сборнике в честь Райнеке только от Вас. Мои отношения с преемником Менгина не самые душевные и понятные») (Там же). Ганчар и так чувствует себя довольно изолированно как в силу специфической области своих научных исследований, так и из-за своего непростого характера, а тут — такой выпад со стороны коллеги, которому он всецело доверял и о котором был самого высокого мнения...

Мергарт пытается сгладить неловкую ситуацию и оправдаться тем, что не имеет отношения к издательским вопросам и не в его компетенции как-то повлиять на это («Хотя я и подписывал приглашения в сборник в честь Райнеке, но оказывал на это мало влияния») (Мергарт — Ганчару, 21.07.1947). Он также разочарован подходом к составлению тома и отбором статей, а венский коллега якобы ложно истолковал замечания, которые никоим образом не относились на его счет: «Мюнхенцы сначала написали, что они хотят, так сказать, созвать весь мир и посмотреть, что из этого выйдет. Я отсоветовал, потому что фактически в таком случае возникнет огромное количество в высшей степени неравноценных вещей <...>. Господа в Мюнхене были теоретически согласны, но хотели еще увеличить число на несколько более близких коллег Райнеке, то есть «мюнхенцев». Приглашение мне не вызвало у меня возмущений, я получил его, как другие приглашенные, в готовом виде <...>. К тому же мое замечание об удобном случае для публикации (если таковое вообще есть?) относится, конечно, не к Вам, а к опасности при неограниченном приглашении получить кучу статей, которые бы повредили облику небольшого первоклассного сборника <...>. Ваши мысли относительно моего письма были действительно «ложной интерпрета-

⁴⁹ Ответственными за издание Мергарт называет профессора Фридриха Вагнера, до 1946 г. и. о. руководителя кафедры первобытной и ранней истории Мюнхенского университета и его преемника с 1947 г., ученика Мергарта Иохима Вернера (Мергарт — Ганчару, 21.07.1947).

⁵⁰ Райнеке Пауль (Reinecke Paul) (1872–1958), немецкий археолог, профессор (1917), в 1897–1908 ассистент директора Римско-Германского центрального музея (Майнц), в 1908–1937 в Генеральном ведомстве по охране памятников искусства и старины Баварии; см. о нем: (Filip 1969: 1133; Шаров 2015).

цией». *Моим единственным и, может быть, слишком скромным*⁵¹, было больше не вмешиваться в планирование господ из Мюнхена, которые, как я полагаю, не прислушались к моему доброму совету и даже не сообщили мне, что они в итоге сделали. Я хотел сию минуту написать проф. Вагнеру, чтобы исправить это упущение, насколько это еще возможно» (Мергарт — Ганчару, 13.08.1947).

Тем не менее, Мергарт, используя свой авторитет, делает все, чтобы оставить Ганчара в числе авторов. По следующему, гораздо более оптимистичному и дружелюбному письму в Марбург с выражением благодарности «за посредничество в Мюнхене» (Ганчар — Мергарту, 9.11.1947), можно судить, что эти попытки увенчались успехом. Юбилейный сборник вышел со статьей Ганчара «Скифы как исследовательская проблема» (Напсар 1950а), хотя его издание и затянулось на несколько лет, видимо, из-за упомянутых выше организационных проволочек. Ситуация разрешилась вполне мирно, без видимого ущерба; намечающийся конфликт не перерос в стадию охлаждения отношений и прекращения переписки. Но совсем без последствий не обошлось. Несмотря на сообщение, можно сказать — прямые намеки Мергарта относительно подготовки посвященного ему лично юбилейного издания, Ганчар уклонился от участия в нем. Правда, в письме Мергарту он приводит довольно весомую причину своего «неучастия»: болезнь и отсутствие связи не позволили ему своевременно отправить статью в Марбург (3.08.1947).

Последнее письмо Ганчара Мергарту довольно стандартно: вопросы о здоровье, приветы от коллег (как связующее звено между Мергартом и австрийскими собратями-археологами указывается Рихард Питтиони), уведомление об отправке рукописей некоторых своих работ (в том числе и в упомянутый выше юбилейный сборник П. Райнеке), упоминание о 8-дневном визите В.Г. Чайлда в Вену. Не обошлось и без новостей о жизни и профессиональных достижениях (чтение лекций о первобытном хозяйстве, текущая работа над статьей о призме понимания доистории через русскую археологию для журнала «Взгляд на Восток» (Напсар 1949а) (Ганчар — Мергарту, 4.10.1948). Тональность последнего письма никак не обнаруживает напряжен-

ности в отношениях, она ровная, доброжелательная, но — без излишней сердечности.

Переписка Ганчара с Мергартом не столь обширна, как с Тальгреном, — всего 13 писем (9 писем со стороны Ганчара и 4 со стороны Мергарта). Тем не менее, она является важным эпизодом в истории контактов венского археолога с коллегами и своеобразной иллюстрацией к истории межцеховых отношений в целом. Письма, порой более пространные, нежели адресованные Тальгреному, однако, гораздо менее душевные и доверительные. Если рассуждать о мотивах переписки, то только необходимость погружения в сибирскую тематику побудила Ганчара сделать шаг навстречу земляку, о котором он, бесспорно, слышал и ранее и читал его публикации.

Эпистолярных свидетельств общения ученых после 1948 г. пока не обнаружено, хотя теоретически оно могло продолжаться как минимум лет десять. Примечательно еще одно обстоятельство, которое бросается в глаза при анализе работ Ганчара: даже в текстах, где области интересов обоих ученых пересекаются, например, в сибирском «поле», венский археолог на работы своего марбургского коллеги ссылается мало — по сравнению со ссылками на сочинения того же Тальгрена. Книг Мергарту он тоже не посвящает. Да и тот не слишком жаждет поддерживать диалог. Ученые ограничили общение профессиональной сферой, дружеские отношения между земляками не сложились.

Франц Ганчар и советские археологи

Взаимоотношения Ганчара с советскими коллегами — предмет отдельного разговора. Погрузившись по совету своего наставника профессора Освальда Менгина в кавказскую доисторию, Ганчар оказался в сложной ситуации. Занятие такой специфической и редкой для европейской археологии тематикой диктовало необходимость постоянного притока свежей литературы и наличие устойчивых связей с научными учреждениями СССР и советскими учеными. Встроиться в парадигму взаимодействия с ними Ганчару помогали зарубежные коллеги, в первую очередь Тальгрэн, к которому австрийский археолог обращался с просьбами о посредничестве как в плане налаживания личных контактов с научным сообществом СССР, так и в отношении получения новинок профессиональной литературы и журналов, связанных с Кавказом.

В письмах Ганчара Тальгреному и другим коллегам упоминаются многие ведущие советские археологи. Среди них — Всеволод

⁵¹ Далее автором письма пропущено слово; возможно, подразумевалось — «желанием» — Е.Д., С.К.

Викторович Арндт, Михаил Вацлавович Воеводский, Борис Леонидович Богаевский, Александр Андреевич Спицын, Василий Алексеевич Городцов, Александр Александрович Иессен и др. Их имена возникают в различном контексте. Например, по рекомендации профессора Богаевского Ганчар в свое время вступил в переписку с Алексеем Алексеевичем Захаровым (Ганчар — Захарову, 11.11.1928). С Сергеем Николаевичем Замятниным Ганчар, судя по всему, состоял в переписке и обменивался литературой: «Из России в Вену вообще больше ничего не приходит. Не слышали ли Вы чего-нибудь о раскопанной недавно расписной керамике из Кызылванка, которую обрабатывает Мещанинов⁵², или о раскопанных Замятниным кобанских вещах⁵³, о которых он мне намекнул в письме?» (Ганчар — Тальгрону, 11.12.1933). «Замятнин действительно очень милый человек. У Вас есть прямой контакт с ним? С недавних пор мне кажется, что мои письма и посылки до него не доходят, что меня беспокоит» (Ганчар — Тальгрону, 30.12.1935). В отношении других советских коллег Ганчар чаще всего ограничивался приветствиями им в письмах (в частности, Воеводскому, Арндту) (Ганчар — Захарову, 10.04.1932), либо интересовался их публикациями, событиями и новостями из жизни (например, спрашивал о состоянии здоровья Спицына) (Ганчар — Захарову, 10.04.1932) и т.д.

Инициатором прямых контактов с археологами СССР, начало которых приходится на конец 1920-х гг., практически во всех случаях выступал австрийский ученый. Это и понятно: советских коллег вряд ли мог заинтересовать зарубежный исследователь, который не привнес чего-то кардинально нового в изучение тем, связанных с Кавказом, Ближним Востоком, скифской проблематикой. Единственное, в чем Ганчар мог быть (и оказался в итоге) полезен, было обусловлено тем обстоятельством, что именно ему была поручена обработка кавказских коллекций⁵⁴ в Венском этнографическом музее. Иными словами, он

располагал информацией, которая могла быть важна для кавказоведов СССР⁵⁵.

С некоторыми из них Ганчар, очевидно, познакомился в ходе поездки в Советский Союз в 1931 г. С кем-то из них, как, например, с Захаровым (о котором речь пойдет ниже), знакомство состоялось еще раньше, заочно, в переписке, начавшейся в 1928 г. А в бытность свою в Москве австрийский ученый получил возможность встретиться с Алексеем Алексеевичем и засвидетельствовать ему свое почтение лично.

С другими, как, например, с Иваном Ивановичем Мещаниновым, познакомиться во время визита в Ленинград и Москву не удалось. Сохранилась почтовая карточка-визитка с рукописным текстом: «Я вынужден чрезвычайно сожалеть, что не смог застать Вас, уважаемый господин профессор, во время моей научной поездки, связанной с кавказскими древностями, так что я должен довольствоваться тем, чтобы оставить Вам мои наилучшие пожелания. С уважением. 3.VIII.1931» (на обороте — «Д-р Франц Ганчар»). Двумя годами ранее венский ученый уже предпринимал попытку наладить контакты с Мещаниновым: в его архиве сохранилось письмо Ганчара от 15.02.1929 г., в котором тот пишет о своих исследованиях в области кавказской археологии, просит Ивана Ивановича о профессиональных советах и консультациях относительно литературы по данной теме, осведомляется о возможности приобретения некоторых изданий, в том числе и публикаций самого Мещанинова, а также задает вопрос о вишапах [Мещанинов 1925], информация о которых была необходима ему для дальнейшей работы.

О Мещанинове и его трудах Ганчар неоднократно упоминает и в письмах Тальгрону, и в своих сочинениях. Однако складывается впечатление, что диалог этих ученых продолжения не получил. «Завидую Вашему знакомству с Мещаниновым. Его новые работы о палеолите Закавказья, которые упоминает Замятнин в «Советской этнографии», 2, 1935 [Замятнин 1935], сейчас бы меня особенно интересовали» (Ганчар — Тальгрону, 30.12.1935) — писал австрийский ученый Тальгрону. Это свидетельствует как минимум о том, что лично Ганчар и Мещанинов никогда не встречались. В этой связи довольно при-

⁵² Речь идет о материалах раскопанного И. И. Мещаниновым в Нахичеванской АССР могильника начала I тыс. до н.э.; см. подробнее: (Мещанинов 1926).

⁵³ Речь идет, вероятно, о раскопанных С. Н. Замятниным в Кисловодске на участке санатория КСУ 8 могилах VIII–VI вв. до н.э. с кобанскими вещами (Замятнин 1935).

⁵⁴ По большей части речь ведется о «коллекции Тарьеева», собранной д-ром Францем Хегером в 1891 г. во Владикавказе (Ганчар — Захарову, 22.10.1930).

⁵⁵ Так, о венских коллекциях, точнее — об описи предметов из Венского этнографического музея (керамике из катакомбной могилы) и изображении некоторых находок (меча), спрашивает Захаров (Ганчар — Захарову, 22.10.1930; 17.09.1930).

мечательна ремарка, которую позволил себе Ганчар в одном из писем Захарову в отношении именно статьи Мещанинова о вишапах. Само письмо написано лишь месяцем позже его обращения к Мещанинову (10.03.1929). Очевидно, отклика на свой запрос Ганчар так и не дождался — этим и может быть объяснена некоторая досада и язвительность, с которой он отзывается о суждении советского ученого о вишапах и его статье — это интересно с «этнологической стороны», но ничего не привносит в хронологию на «основании археологических фактов» (Ганчар — Захарову, 10.03.1929).

Впрочем, в свете имеющихся данных и материалов сложно судить о развитии данной линии контактов Ганчара — пока что она ограничивается перечисленными выше карточкой-визиткой и письмом Мещанинову.

Более внушительную часть эпистолярного наследия Ганчара, связанного с советскими учеными, составляет переписка Ганчара с Захаровым (ОПИ ГИМ. Ф. 453. Д. 8)⁵⁶. Этот блок насчитывает 23 письма со стороны Ганчара (приложением к одному из писем следует также его рукопись «Катакомбная могила Кобани (коллекция Татарьева и Канукова)») и охватывает период с 1928 по 1935 гг. Примечательно, что хронологически эти послания перешагнули роковой для многих контактов советских ученых с иностранными корреспондентами 1929 год. После 1930 г. для многих западноевропейских ученых, в частности, Мергарта и Тальгрена, прямое взаимодействие с коллегами из СССР на время стало недоступным.

Отправной точкой в диалоге Ганчара и Захарова является письмо от 11.11.1928 г. Венский археолог традиционно представляется русскому коллеге: он — студент профессора Менгина в Венском университете, работает над диссертацией «Доисторическое изучение Кавказа». Обратиться к Захарову как к признанному специалисту в данной области его побудило, во-первых, стремление заручиться поддержкой и узнать мнение более компетентных собратьев по цеху. И, во-вторых, имеется ряд сопряженных с изучением Кавказа сложностей. Первая из них касается разграничения в хронологии Кавказа первобыт-

ного и исторического периодов. Еще одна проблема связана с получением профессиональной литературы из-под пера советских ученых, которую сложно раздобыть на Западе. Многие из интересующих его изданий австрийский археолог не мог найти в Вене. Причиной тому во многом отсутствие «столь желанного и тесного контакта с российским научным сообществом, который существовал ранее...».

Следующее письмо Ганчара Захарову (10.03.1929) подтверждает тот факт, что переписка двусторонняя — прежде чем перейти к сути письма, австрийский археолог благодарит коллегу за ответ и советы. Далее он вновь возвращается к теме литературы и конкретизирует вопрос из первого письма о разграничении эпох: относится ли скифо-сарматская культура к первобытному времени и какие еще культуры укладываются в эти хронологические рамки. Он также спрашивает о наличии свайных построек на Кавказе, датировке вишапов: этот тип памятников интересует его особенно — и задает ряд вопросов, связанных с датировкой пряжек с территории Чечни.

Следующие письма 1929–1935 гг. довольно стандартны: постоянно транслируются просьбы о присылке литературы (на протяжении нескольких писем повторяются настоячивые просьбы об оформлении подписки на советские периодические издания по кавказской тематике) и содействия в контактах с кавказоведами СССР, вопросы профессионального характера, касающиеся отдельных типов вещей и их изображений (в том числе отклики на запросы Захарова; 17.09.1929, 22.10.1930), планы дальнейшей работы над публикациями, просьбы и благодарности за установление контактов с учеными из столичных и провинциальных центров (М.В. Воеводский, Е.Г. Пчелина, Л.Э. Каруновская, Л.П. Семенов, Т.А. Ивановская и др.), приветы коллегам и т.д. Почти во всех письмах австрийский ученый интересуется текущим состоянием кавказоведческих исследований в Советском Союзе.

После возвращения супругов Ганчар из поездки в СССР в августе 1931 г. в письмах появляются тема «русского путешествия» и воспоминания о Москве и «приветливых людях», с которыми им там довелось пообщаться (Ганчар — Захарову, 26.08.1931). Но при этом австрийский археолог сетует, что профессора В.А. Городцов и И.И. Мещанинов не откликаются сообщениями о получении его почтовых отправок (книги, отписки статей). Судя по упоминаниям о некоторых неполучен-

⁵⁶ В настоящей статье нет возможности излагать содержимое всей переписки Ганчара и Захарова. В полном объеме она опубликована в первой части нашего исследования (Кузьминых, Детлова, Белозерова 2025). При цитировании и комментировании писем австрийского ученого мы упускаем также ссылки на конкретные листы архивного хранения.

ченных посланиях Захарова, переписка ведется с переборами, нерегулярно — порой Ганчару по несколько раз приходится дублировать ответы, повторять запросы.

У большинства почтовых карточек, сохранившихся в ОПИ ГИМ, отсутствуют значительные фрагменты — от их изъятия, увы, пострадало содержание переписки. Это связано, по-видимому, не только с повальной страстью к коллекционированию иностранных почтовых марок, но и жизненными обстоятельствами семьи Захарова, крайне нуждавшейся в средствах, особенно после ссылки Алексея Алексеевича в Алма-Ату (Канторович 2018), и, вероятно, прибегшей к продаже марок. Единственное письмо, которое кардинальным образом выбивается из общей массы — рукописное послание от 22.08.1931 г. Речь в нем идет о пересланном изображении бронзовой пряжки с Кавказа. Почерк и стиль явно не ганчаровские — скорее всего, среди писем Ганчара в архиве Захарова случайно оказался и черновик его собственного письма.

Из публикаций и писем Ганчара следует, что кроме Мещанинова и Захарова он общался также с Александром Яковлевичем Брюсовым, Алексеем Ивановичем Тереножкиным, Евгением Игнатьевичем Крупновым, огромное уважение питал к Николаю Яковлевичу Марру и был вдохновлен его «яфетической теорией». Но с уверенностью утверждать, что он безоговорочно и последовательно был адептом «нового учения о языке», нельзя.

В архиве А. Я. Брюсова не отложились письма Ф. Ганчара. Но они могли общаться в Историческом музее в 1931 г. во время поездки четы Ганчар в СССР, в 1957 г. — в дни поездки Брюсова в Австрию (Белозёрова, Кузьминых 2025), в 1958 г. — в Гамбурге на V Международном конгрессе доисторических и протоисторических наук⁵⁷. О знакомстве Александра Яковлевича с трудами австрийского археолога и их высокой оценке свидетельствуют подготовительные материалы в архиве российского ученого с его выпи-

сками из разных работ Ганчара (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 324. Л. 5), прежде всего касающихся культур шнуrowой керамики Средней Европы и проблемы приручения лошади в Старом Свете (Hанčар 1956а: 36, 41, 42). В отчете о поездке в Финляндию в 1957 г. Брюсов, в частности, отмечал, что изучал в Национальном музее материалы по древней истории Севера, которые имеют большое значение «при решении проблемы происхождения и расселения индоевропейских племен, которой занимаются в СССР профессор Горнунг и я, в США профессора М. Гимбутас и Хенкен, в Австрии профессор Ганчар, в ФРГ профессор Штурмс и многие другие» (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 35. Л. 136).

Одним из немногих советских ученых, высоко оценивших вклад Франца Ганчара в советское кавказоведение и в археологическую науку в целом, и единственным, кто откликнулся на кончину австрийского коллеги в 1969 г. (как уже упоминалось во вступлении), был Евгений Игнатьевич Крупнов⁵⁸. Ниже — строки из некролога:

«10 июля 1968 г. в Вене на 76-м году жизни скончался один из крупнейших археологов Западной Европы, старейший профессор Венского университета доктор Франц Ганчар <...>. Университетский ученый широкого профиля, исключительно эрудированный археолог, он живо интересовался вопросами, связанными с изучением палеолита, неолита и эпохи бронзы разных стран <...>. Всеми своими исследованиями, всегда носившими печать объективности и лояльности даже по отношению к авторам, концепций которых он не разделял, Франц Ганчар снискал к себе всеобщее уважение со стороны своих коллег из многих стран мира <...>. Отдавая дань признания научным заслугам покойного, советские археологи со скорбным чувством склоняют свои головы перед памятью доктора Франца Ганчара, добрая часть научных трудов которого была посвящена разработке и освещению многих важных вопросов археологии и древней истории нашей Родины» (Крупнов 1969).

Некоторые из наблюдений Ганчара нашли отражение в работе Крупнова о древней истории Северного Кавказа (Крупнов 1960). Советский ученый толкует их зачастую в критическом ключе, говорит об односторонней интерпретации (лишь с искусствоведческих

⁵⁷ В записной книжке Брюсова зафиксированы фамилии ученых, с которыми он встречался в Гамбурге в 1958 г. Среди них есть фамилия Ганчара (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Д. 36. Л. 31). Далее в записной книжке даны «Заметки об археологии в Австрии» (без даты, после 15.06.1958), где в частности отмечено: «... о раскопках в СССР понятия не имеют или не интересуются. Специалистами по советской археологии являются только Ганчар и Исттмор; но Ганчара я еще не видал, а с Исттмором говорил мало...» (Там же. Л. 77). Встреча с супругами Ганчар, а также с Я Бемом, М. Гимбутас, К. Отто, Э. Штурмсом, И. Неуступным, состоялась позже, говорили об обмене литературой (Там же. Л. 161).

⁵⁸ Крупнов Евгений Игнатьевич (1904–1970), археолог-кавказовед, один из создателей современной школы российских археологов-кавказоведов; см. о нем: (Мунчаев 1994).

позиций), шаткости, спорности выводов, заблуждениях австрийского археолога по многим вопросам. Например, считает несостоятельным его сопоставление киммерийской культуры с гальштатской Подунавья и включение в нее схожих комплексов юга Восточной Европы, вплоть до Кавказа (Там же: 111). Однако Евгений Игнатьевич все же признает справедливость некоторых суждений австрийского коллеги («Нельзя не отметить научную ценность некоторых выводов и наблюдений, содержащихся в ряде этих работ и опирающихся на объективное отношение авторов к исследуемому материалу <...> для разбираемого нами сейчас вопроса определенное и немаловажное значение имеют некоторые наблюдения и выводы Ф. Ганчара») (Там же: 92). В частности, Крупнов ссылается на классификацию топоров, предложенную Ганчаром (Там же: 82, 83), подтверждает правильность его мнения о происхождении кобанских топоров и некоторых других предположений (Там же: 93–95, 98).

Франц Ганчар в послевоенные годы

«С начала зимнего семестра 1922/1923 до зимнего семестра 1929/1930 Ганчар числится в списке слушателей лекций философского факультета Венского университета, а 30 мая 1930 г. защитил кандидатскую диссертацию.

Он работал штатным преподавателем городской школы и старшей ступени народной школы и попутно защитил докторскую диссертацию — это значит, ему было присуждено право преподавания (чтения лекций) в высшей школе. Так он стал доцентом университета, каковым и оставался до своей смерти. В 1950 г. ему дополнительно было присвоено звание внештатного профессора.

Но в его положении доцента мало что изменилось; как и у всех доцентов, которые не сразу занимали должность ассистента, не было работы за приемлемые деньги в университете. Он также не был членом профессорской коллегии, потому что присвоенный ему титул в Австрии был «лишь» профессиональным титулом (то есть был хорош собственным только для визитной карточки). Как доцент с титулом внештатного профессора Ганчар до самой смерти числился в штатном расписании университета среди доцентов. В последний раз он анонсировал лекцию в летнем семестре 1968 г.; но приступил ли он к ней — из перечня лекций не видно. Таким образом, он проводил регулярно лекции даже незадолго до своей смерти» (Из ответа от 6.06.2019 г-на Томаса Майзеля из Архи-

ва Венского университета на запрос Е. В. Детловой относительно работы Франца Ганчара в Венском университете).

В этих лаконичных строках заключается, пожалуй, то небольшое, что известно о послевоенных годах Ганчара. Упомянут еще факт, что он возобновил читать лекции в университете после того, как в 1945 г. как бывший член НСДП прошел процесс денацификации и был восстановлен в правах.

О трудностях, пережитых Анной и Францем Ганчар в годы войны, лучше всего свидетельствуют строки из писем офицера А. И. Тереножкина, в будущем известного советского археолога⁵⁹, разыскавшего чету Ганчар в Вене в 1945 г.: «29.7. Вечером приехал в Вену. Передал узел с буханками Ганчару. <...> 12 августа. Был у супругов Ганчаров. «Кормил» их бутербродами зачерствевшего хлеба с мясом, консервами мясными русскими и «поил» их австрийским спиртом. Они были голодны, но жили какими-то традициями (часы моей бабушки, стол отца). У меня же нечем упомянуть прошлое, кроме приобретенного мною. Одно только моя голова и больше ничего» (Тереножкин 2006: 45).

То, что Тереножкин разыскал Франса и Анну Ганчар, явно неслучайно. Он надеялся встретиться в Вене с коллегами-археологами. Свидетельством тому письмо Б. Н. Гракова⁶⁰, адресованное Алексею Ивановичу в первый день нового 1945 г.⁶¹, в котором Граков на запрос Тереножкина сообщил, что «кроме Феттиха никого в твоих краях не знаю». Тереножкину, тем не менее, стал известен домашний адрес четы Ганчар, с которыми до войны он не был знаком. Адрес фронтовик получил, скорее всего, от Е. И. Крупнова, лично знавшего Франца и Анну Ганчар со времени их поездки в СССР в 1931 г. Встреча 1945 г. имела продолжение — Тереножкин и Ганчар переписывались в послевоенные годы, присылали друг другу труды; адрес австрийского археолога, по сообщению В. Н. Саенко, есть в записной книжке его киевского коллеги. А. И. Тереножкин, А. Я. Брюсов и Е. И. Крупнов, вероят-

⁵⁹ См. подробнее о жизни и научной деятельности А. И. Тереножкина: (Скорий, Саенко 2017; Саенко 2019).

⁶⁰ Граков Борис Николаевич (1899–1970), археолог, историк-антиковед, создатель в 1940–60-е московской научной школы скифо-сарматской археологии; см. о нем: (Кузьминых 2007; Свиридов 2011).

⁶¹ Сохранилось в архиве А. И. Тереножкина в Институте археологии НАНУ. Благодарим В. Н. Саенко, познакомившего нас с этим письмом. О взаимоотношениях Гракова и Тереножкина см. в: (Саенко 2015).

нее всего, по рекомендации Франца Ганчара, были приглашены в сборник в честь 70-летия австрийского ученого (Brjussow 1962; Krupnov 1962; Terenožkin 1962).

Достоверно и полно воссоздать картину того, как складывалась судьба Ганчара в послевоенный период, пока довольно сложно, возможно лишь фрагментарно и по большей части — на основании анализа его библиографического списка, который вновь поражает обширностью и разнообразием разрабатываемых тем и не ограничивается каким-либо одним хронологическим или территориальным сегментом. Среди изданных трудов — разделы методических работ (учебные пособия, руководство по древней истории) (Напсар 1952d; 1954), публикации по проблемам палеолита (Напсар 1950c; 1950d; 1952; 1956b; 1959; 1962), скифологии (Напсар 1949b; 1950a; 1956c), звериного стиля, искусства, духовной культуры в целом (Напсар 1951; 1952b; 1953; 1956c; 1956d; 1961; 1962b), обзоры работ советских археологов (Напсар 1949a; 1951a; 1960). Несколько статей посвящено киммерийской проблеме (Напсар 1947; 1950e), истории древних государств (Урарту) (Напсар 1949c), проблематике кочевых обществ (Напсар 1955b), развитию скотоводства и domestikации животных, их роли в древнейших культурах (Напсар 1952c; 1956a; 1958; 1959b) и др. Одним словом, среди трудов Франца Ганчара каждый современный специалист найдет притягательные для себя темы.

Жемчужиной не только послевоенного творчества, но и всего многолетнего кропотливого труда ученого стал его самый известный и фундаментальный труд «Лошадь в доисторическую и раннюю историческую эпоху» (Напсар 1956a), который принес автору поистине мировую известность. Важность книги заключается в том, что через призму такой, казалось бы, узкой темы и на примере одного конкретного объекта исследования Ганчар дал общую характеристику всего социокультурного развития древних обществ. С первых же строк им оговариваются принципы, на которых строится данный труд, и определяется его предназначение. Цель он усматривает, прежде всего, в том, чтобы свести воедино весь известный ему доселе восточноевропейский, средне- и североазиатский материал и заложить тем самым базис для дальнейших исследований. При этом автор не ставит своей задачей выдвижение новых или умножение существующих гипотез. Не претендуя в принципе на глобальность охвата и трактовки темы, Ганчар, тем не менее, устанавлива-

ет довольно широкие хронологические рамки исследования (3000 до н.э. — 500 н.э.) и рассматривает обширный круг проблем. Главные из них — время и очаги зарождения коневодства, его разновидности и функциональные особенности, хозяйственное значение, специфическое проявление в культурах древних сообществ в разных странах и частях света — Северной, Западной и Восточной Европе, Северной, Центральной и Средней Азии, Китае, а также роль коневодства в формировании ранних форм политической власти.

В этой работе, как никогда в прежних трудах Ганчара, проявился комплексный междисциплинарный подход к исследованию. Для раскрытия основной темы широко привлекались данные смежных дисциплин — геологии, палеонтологии, археозоологии, палеолингвистики, этнологии и др. Территориально-ландшафтное членение археологических культур на степные и лесные автор увязывал с хронологическими ступенями, локальными культурами и группами (шнуровой керамики, боевых топоров, колоколовидных кубков, фатьяновской, могил с охрой, грунтовых могил, катакомбной и т.д.), и последовательно характеризовал каждую из этих культурных общностей.

Подробно структурированное и внушительное по объему содержание создает общее представление о многообразии рассматриваемых тем и вопросов. История лошади начинается не сразу с ее domestikации и зарождения коневодства как составляющей части всеобщего скотоводства, а ab ovo, то есть с диких предков домашней лошади, эволюции видов, предпосылок их распространения по территории всей Евразии — от Европы до Китая, до появления современной лошади, родственных лошади подвидов (включая африканских зебр). От внимания автора не ускользнул ни один из известных к тому времени памятников, прямо или косвенно связанных с данной темой. Подробно рассмотрен сопутствующий предметный ряд (конская упряжь — псалии, удила, уздечная гарнитура, образ лошади в искусстве, духовной культуре и мифотворчестве. Существенное место уделено функциям и предназначению лошади как верхового и тяглого животного, описанию боевых колесниц и использованию их как важного инструмента геополитики и войн в древности. Особое внимание обращено на оленеводство, определены исходные очаги, пути распространения и особенности его у разных народов евразийского континента (преимущественно у народов Сибири и севера Европы).

В заключительной главе Ганчар предлагает читателям, по сути, обширное резюме своей книги. Вся изложенная в труде информация подкрепляется и дополняется обильными изобразительными и справочными материалами — многочисленными таблицами и иллюстрациями вкупе с указанием источников. Отдельно прилагается перечень авторов, географических названий, понятий и терминов. Внушает уважение и заслуживает упоминания библиографический список, разделенный на две части: публикации зарубежных и советских ученых. По самым скромным подсчетам, Ганчар использовал свыше 1400 источников, из них свыше 800 — это иностранная, около 600 — советская литература.

Путь к выходу этой фундаментальной монографии был долгим и нелегким — сам автор окрестил ее как «плод 8-летних исследований» (Ганчар 1956а: VI). Эта книга не только подвела итог его многолетней исследовательской и издательской деятельности, она стала своего рода памятником выдающимся ученым Э.Х. Миннзу, В. Шмидту, А.М. Тальгрону, которые, как предпослано в посвящении, вели, вдохновляли и направляли австрийского археолога на его тернистом пути в науке. И которых к моменту выхода книги в свет, увы, уже не было в живых.

Заключение

«О Франце Ганчаре: конечно, он открыл для нас (особенно для некоторых из нас) взгляд на Россию (будь то палеолит, будь то скифы — сместив, по сравнению с Мергартом, вектор на юг <...>). Карл Кромер, в то время — штатный профессор первобытной истории в Инсбруке <...>, был в предшествующий венский период связан с Ганчаром: я припоминаю, что по его предложению Инсбрукский университет посетила вдова Ганчара (это было где-то между 1968/1971, когда я писал там диссертацию) — хрупкая, очень компетентная дама, которая могла поведать многое в плане истории науки <...>. Отсюда мне засело в памяти имя Александра Монгайта (позднее я как-то раздобыл книжечку Монгайта «Археология и современность» (датированная 1985, переведенная А. Хойслером; «книжечка» — потому что это была карманная книжка издательства «Искусство», Дрезден)!» (д-р Гельмут Своцилек, экс-директор Форарльбергского музея — Е.В. Детловой, 14.08.2019).

Эти слова раскрывают еще одну немаловажную миссию Франца Ганчара и его супруги Анны — популяризацию достижений советской науки за рубежом, о чем с бла-

годарностью вспоминал в своем некрологе Е.И. Крупнов (1969). Ученый занял, таким образом, пустующую после Второй мировой войны и кончины А.М. Тальгрена нишу посредника между Востоком и Западом, знакомя европейское научное сообщество с советской археологией, сближая науку разных стран и укрепляя международное научное сотрудничество. Европейских ученых он стремился увлечь «евразийской» тематикой, призывая своим примером перешагнуть реальные или мнимые барьеры и возобновить сотрудничество с Россией, надеялся сподвигнуть талантливую австрийскую и немецкую археологическую молодежь на продолжение начатых им исследований. С советской стороны эстафету сотрудничества подхватил А.Я. Брюсов. Александр Яковлевич состоял почетным членом многих европейских научных обществ. Его работы публиковались в Англии, Франции, ФРГ, ГДР, Финляндии и Мексике. В 1950-е гг., невзирая на «железный занавес», Брюсов стал полпредом советской археологии в научных центрах Европы (Кузьминых, Белозёрова 2025).

Франц Ганчар — человек с непростой судьбой и сложным характером, который в свое время едва ли снискал признание и расположение коллег. Одиночка — у него было не слишком много друзей и учеников. Его соратником был Курт Биттель, своими наставниками он считал О. Менгина, А.М. Тальгрена, друзьями — Э.Х. Миннза, В.Г. Чайлда. Научной школы как таковой не создал. «Научное наследие [Ганчара] в свое время приняла на себя Ренате Ролле (профессор и скифолог в Гамбурге). Фрау Александрине Эйбнер также хорошо знала Ганчаров и регулярно навещала их могилу на кладбище Сиверинг <...>. Поколение студентов Барт, Эйбнер, Битак, Керхлер и, быть может, также Липперт слышали о нем и очень ценили»⁶² (профессор Венского университета Отто Урбан — Е.В. Детловой, 19.12.2018) — вот все, что доподлинно известно о его учениках и последователях австрийским историографам.

Достижения Франца Ганчара несоизмеримо весомее, чем его «оцененность» и «признанность» при жизни. Никто из более извест-

⁶² Автор письма перечисляет выпускников Института первобытной и древней истории Венского университета, учившихся в 1960-х гг.: это Ренате Ролле (Renate Rolle), Александрине и Клеменс Эйбнер (Alexandrine, Clemens Eibner), Фритц-Экарт Барт (Fritz-Eckart Barth), Манфред Битак (Manfred Bietak), Хельга Керхлер (Helga Kerchler), Андреас Липперт (Andreas Lippert).

ных соотечественников австрийского ученого не был столь же глубоко погружен в проблематику евразийской археологии. Хотя константами его интересов оставались Северный Кавказ и Закавказье, однако диапазону его интересов, разноплановости устремлений и глубине научных поисков может позавидовать любой ученый. Биография и творческое наследие Франца Ганчара, содержательно обширное и разнообразное, неизученное и недооцененное, ждут внимательного и пытливого исследователя.

При обсуждении различных аспектов научного наследия Франца Ганчара мы обраща-

лись за помощью и консультациями к коллегам из России (Л.И. Авилова, А.С. Балахванцев, Л.Б. Вишняцкий, С.А. Володин, И.О. Гавритухин, М.С. Гаджиев, Х.М. Мамаев, Ю.Ю. Пиотровский, А.Ю. Скаков, В.А. Трифонов), Германии (проф.С. Хансен, д-р Н. Бороффка, д-р А. Наглер, г-жа Э. Рыбковска, г-жа Н. Серова, г-жа И. Мюллер фон дер Хэген), Австрии (проф.К. Тойне-Фогт, проф.О. Урбан, д-р Т. Майзель, д-р Г. Своцилек), Франции (д-р М.М. Казанский), Финляндии (д-р Т. Салминен) и Украины (В.Н. Саенко) и всегда ощущали их заинтересованность в нашей работе, дружеский отклик и поддержку.

Литература

- Андреева М.В. 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры. *СА* (1), 39–56.
- Андреева М.В. 1979. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах. *СА* (1), 22–34.
- Ауэрбах Н.К. 1930. Палеолитическая стоянка Афонтова III: [Участок Афонтовой горы]. *Труды О-ва изучения Сибири и ее производительных сил* 7. Новосибирск.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В. 2025. А.Я. Брюсов и его зарубежные корреспонденты (по материалам ОПИ ГИМ). В: Выборнов А.А. и др. (отв. ред.). *Соединяя пространство и время: методы пространственного анализа в изучении позднего каменного века Евразии*: Материалы конференции (Петрозаводск, 14–17 мая 2025 г.). Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 16–18.
- Богаевский Б.Л. 1932. I Международный конгресс доисторических и протоисторических наук в Лондоне. 1–6 августа 1932 г. *СЭ* (5–6), 164–177.
- Бонгард-Левин Г.М. 1997. М.И. Ростовцев и Э.Х. Миннз: от Скифии до Китая и Японии. В: Бонгард-Левин Г.М. (отв. ред.). *Скифский роман*. Москва: Рос. полит. энцикл., 305–328.
- Быковский С.Н. 1931. *Яфетический предок восточных славян — киммерийцы*. Ленинград: ГАИМК. (ИГАИМК VIII, вып. 8–10.)
- Вдовин и др. 2012: Вдовин А.С., Детлова Е.В., Макаров Н.П. 2012. «Я только еще учусь работать и каждый Ваш совет и в особенности критические замечания послужат мне только на пользу»: Г.П. Сосновский в 1918–1922 гг. В: Вдовин А.С., Тункина И.В. (отв. ред.). *Евразийский археологический сборник*. Санкт-Петербург; Красноярск: СПФ АРАН, КГПУ, 104–123.
- Ганчар... 1971: Ганчар Франц. 1971. *БСЭ* 6, 114.
- Даутова Р.А., Мамаев Х.М. 2009. Средневековые древности Аргунских ущелий (историографические наблюдения). В: Умаров М.У. *Историокультурное и природное наследие народов юга России*: МВНПК «Историокультурное и природное наследие народов Юга России: состояние, перспективы сохранения и развития» (г. Грозный, 25–26 июня 2009 г.) I. Грозный: АН ЧР, 232–241.
- Детлова Е.В., Кузьминых С.В. 2012. Мергарт (Merhart) Геро Курт Карл Мария фон Бернегг. *БРЭ* 20, 10.
- Ефименко П.П. 1934. *Дородовое общество. Очерки по истории первобытно-коммунистического общества*. Москва; Ленинград: Гос. соц.-эконом. изд-во. (ИГАИМК 79.)
- Замятнин С.Н. 1935а. Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске. Отчет о работах. *ИГАИМК* 109, 213–226.
- Замятнин С.Н. 1935б. Новые данные по палеолиту Закавказья: (Предварительное сообщение). *СЭ* (2), 116–123.
- Ивановская Т.А. 1928–1929. Материалы к изучению искусства древностей Кавказа. Ч. 2. Кавказские бронзовые «поясные» пряжки. *Мистецтвознавство* 1. Харьков: Пролетарий, 11–27.
- Иващенко М.М. 1935. *Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии*. Тбилиси. (Изв. НИИ кавказоведения 3.)
- Иессен А.А. 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. *ИГАИМК* 120, 7–237.
- Иессен А.А. 1939. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. В: Орбели И.А. (отв. ред.). *III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады*. Москва; Ленинград: АН СССР, 91–103.
- Канторович А.Р. 2018. Основные вехи биографии археолога Алексея Алексеевича Захарова. В: Сингх В.К. (отв. ред.-сост.). *«Нескончаемое лето». Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной*. Москва: Истфак МГУ; Великий Новгород: Новгород. музей-заповедник, 90–97.
- Китова Л.Ю. 2010. Георгий Петрович Сосновский. *РА* (3), 146–153.
- Клейн Л.С. 2011а. *История археологической мысли I*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Клейн Л.С. 2011б. *История археологической мысли II*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Ковалев М.В., Шереш А. 2019. Венгерский археолог Нандор Феттих и его связи с русскими учеными эмигрантами. *Славяноведение* (4), 24–36.
- Кричевский Е.Ю., Круглов А.П. 1941. Неолитическое поселение близ г. Нальчика. В: Артамонов М.И. (ред.). *Материалы по археологии Кабардино-Балкарии*. Москва; Ленинград: АН СССР, 51–66. (МИА 3.)
- Крупнов Е.И. 1960. *Древняя история Северного Кавказа*. Москва: АН СССР.
- Крупнов Е.И. 1969. Д-р Франц Ганчар. *СА* (3), 312–314.
- Кузьминых С.В. 2007. Граков Борис Николаевич. *БРЭ* 7, 611.

№1. 2026

- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. 2025. «Мой извилистый путь по тропам археологии»: к 140-летию со дня рождения А. Я. Брюсова. *РА* (4).
- Кузьминых и др. 2015: Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т., Сафонов И.Е. 2015. А.М. Тальгрэн в истории российской археологии. В: Черных И.Н. (отв. ред.). *Тверской археологический сборник* 10. Т. II. Тверь: Триада, 20–42.
- Кузьминых и др. 2020: Кузьминых С.В., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. 2020. Проблемы российской археологии в переписке Э.Х. Миннза и А.М. Тальгрена. В: Деревянка А.П. и др. (отв. ред.). *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре* III. Самара: СГСПУ, 137–139.
- Кузьминых и др. 2025: Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Белозёрова И. В. 2025. Франц Ганчар и археология Кавказа, Восточной Европы и Северной Азии: по материалам переписки. *Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований* 2, 75–195.
- Мергарт Геро фон. 2019. *Воспоминания о Советской России*. Письма / вступит. статьи, публ., коммент. Е.В. Детловой и С.В. Кузьминых. Красноярск: КККМ.
- Мергарт Г. фон. 2023. Далёко: Картины из сибирских будней / сост., пер. с нем.: Е.В. Детлова; комм., примеч.: Е.В. Детлова, С.В. Кузьминых. Красноярск: Поликор.
- Мещанинов И.И. 1925. Каменные статуи рыб — вишапы на Кавказе и в Северной Монголии. *ЗКВ* 1, 401–408.
- Мещанинов И.И. 1926. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край, снаряженной в 1926 г. Обществом изучения Азербайджана. *Сообщения [Сб. РАИМК] I*, 217–240.
- Мещанинов И.И. 1932. *Циклопические сооружения Закавказья*. Ленинград: ГАИМК. (ИГАИМК XIII, вып. 4–7.)
- Мунчаев Р.М. 2004. Евгений Игнатъевич Крупнов: к столетию со дня рождения. *РА* (1), 5–14.
- Ниорадзе Г.К. 1934. Палеолит Грузии. В: Бутин В.Ф. и др. (ред.). *Труды II Международной конференции АИЧПЕ V*. Москва; Ленинград: Гос. науч.-техн. геол.-развед. изд-во, 219–229.
- Петри Б.Э. 1926. Сибирский неолит. *Изв. Биолого-географического научно-исследовательского института при Иркутском гос. университете* 3, вып. 1, 39–75.
- Пиотровский Ю.Ю. 2011а. Майкопская культура. *БРЭ* 18, 464–465.
- Пиотровский Ю.Ю. 2011б. Майкопский курган (Ошад, Ошаде). *БРЭ* 18, 465–466.
- Саенко В. 2015. Порівняльні життєписи: Борис Миколайович Граков та Олексій Іванович Тереножкін. В: Ситник О. (гол. ред.). *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині* 19. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 123–135.
- Саенко В.М. 2019. *Олексій Тереножкін як дослідник давньої історії України*: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дрогобич.
- Свиридов А.В. 2011. Воспоминания о любимом Человеке (о моем деде Борисе Николаевиче Гракове). В: Плешивенко А.Г. (сост.). *“И жизнь, и слезы, и любовь”*. Запорожье: ООО «ЛИПС» ЛТД, 317–341.
- Скаков А.Ю. 2008. Казбекский клад. *БРЭ* 12, 444.
- Скорий С.А., Саенко В.М. 2017. Професор Олексій Іванович Тереножкін (до 110-річчя від дня народження). *Археологія* 4, 49–60.
- Стрелков А.С. 1937. Третий Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. *СА* (2), 205–215.
- Тарасов А.В. 2014. Военнопленные Первой мировой войны в Пермской губернии. *ВВГУ* 2, 42–47.
- Тереножкін А.И. 2006. *Из жизни Алексея Тереножкіна (написано его рукой, собрано его сыном)*. Киев: Корвин пресс.
- Шаров О.В. 2015. Райнеке (Rainecke) Пауль. *БРЭ* 28, 197.
- Bittel K. 1934. *Prähistorische Forschung in Kleinasien*. Istanbul: Abteilung Istanbul des Archäologischen Instituts des Deutschen Reiches. (Istanbuler Forschungen).
- Brjussow A. 1962. Ein neolithischer Kahn aus dem Historischen Museum. *Franz Hančar zum siebzigsten Geburtstag*. Horn; Wien: Verlag Ferdinand Berger, 47–52. (MAG XCII.)
- Dullo E. 1936. Die kaukasischen Äxte der Bronzezeit. *PZ* 27, 66–172.
- Eurasia... 1954: Eurasia Septentrionalis Antiqua I–XII. General Register. 1954. *ESA Supplementary Volume*, 5–76.
- Jettmar K. 1963. Franz Hančar 70 Jahre alt. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 11. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 315–317.
- Filip Jan. 1966. Hančar Franz. *Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas* 1. Prag: Academia, 463.
- Filip Jan. 1969. Unverzagt Wilhelm. *Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas* 2. Prag: Academia, 1552–1553.
- Fox Cyril. 1932. *The personality of Britain: its influence on inhabitant and invader in prehistoric and early historic times*. Cardiff: Published by the National Museum of Wales and by the Press Board of the University of Wales.
- Franz Hančar... 1962: Franz Hančar zum siebzigsten Geburtstag. 1962. *MAG XCII*. Horn; Wien: Verlag Ferdinand Berger.
- Hančar F. 1931a. Einige Gürtelschließen aus dem Kaukasus. Untersuchung über ihre Stellung innerhalb der kaukasischen Tierdarstellungen. *ESA* VI, 146–158.
- Hančar F. 1931b. Eine kaukasische Gürtelschnalle aus Bronze im Wiener Völkerkundemuseum. *WPZ* XVIII, 45–53.
- Hančar F. 1931c. Der forschende Spaten. *Frohes Schaffen* VIII. Wien; Leipzig, 259–266.
- Hančar F. 1932. Die Nadelformen des prähistorischen Kaukasusgebietes: (Typologische Untersuchung mit besonderer Berücksichtigung der kaukasischen Nadeln im Wiener Völkerkundemuseum). *ESA* VII, 113–182.
- Hančar F. 1933a. Bericht über den I. International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences (London 1932). *WPZ* XX, 65–68.
- Hančar F. 1933b. Bericht über den I. International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences London 1932. *ESA* VIII, 251–252.
- Hančar F. 1934a. Kaukasus — Luristan. Züge kultureller Verwandtschaft des prähistorischen Kaukasusgebietes mit dem Alten Orient. *ESA* IX, 47–112.
- Hančar F. 1934b. Beile aus Koban in der Wiener Sammlung kaukasischer Altertümer. *WPZ* XXI, 12–44.
- Hančar F. 1935a. Zum Problem des “kaukasische” Tierstils. *Wiener Beiträge zur Kunst- und Kulturgeschichte Asiens* IX (1934). Wien, 3–34.

- Hančar F. 1935b. Problem des kaukasischen Tierstils. *MAG* LXV, 276–294.
- Hančar F. 1935c. Die königlichen Skythen. *Frohes Schaffen* XII. Wien und Leipzig, 269–278.
- Hančar F. 1936. Roß und Reiter in urgeschichtlichen Kaukasus. *IPEK, Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst* 10 (1935). Berlin; Leipzig, 49–65.
- Hančar F. 1937a. *Urgeschichte Kaukasiens von den Anfängen seiner Besiedlung bis in die Zeit seiner frühen Metallurgie*. Wien; Leipzig: Anton Schroll and Co.
- Hančar F. 1937b. Die neuen aeneolithischen Funde Kleinasiens in Lichte kaukasischer Urgeschichtsforschung. Vortrag II. *Türkischer Geschichtskongreß*. Istanbul.
- Hančar F. 1938a. Alağa Höyük. Ein hervorragender kupferzeitlicher Siedlungs- und Bestattungsplatz unfern von Boghazköy. *Wiener Beiträge zur Kunst- und Kulturgeschichte Asiens* XII. Wien, 3–36.
- Hančar F. 1938b. Kaukasische Sprossenfibeln. *ESA* XII, 139–152.
- Hančar F. 1940. Der Kult der Großen Mutter im kupferzeitlichen Kleinasien. Zur Deutung der Kultstandarten des Alağa Höyüks. *Archiv für Orientforschung* XIII. Berlin, 289–298.
- Hančar F. 1939/1940. Zum Problem der Venusstatuetten im eurasiatischen Jungpaläolithikum. *PZ* 30/31, 85–156.
- Hančar F. 1941. Neandertaler und andere altsteinzeitliche Menschense aus russischen Gebieten. *MAG* LXXI, 198–218.
- Hančar F. 1942. Probleme der jüngeren Altsteinzeit Osteuropas. Versuch einer Systematisierung. *Quartär* 4, 125–186.
- Hančar F. 1943a. Zur Deutung einer urgeschichtlichen kaukasischen Kunstform. *IPEK, Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst* 15/16 (1941/42). Berlin, 63–75.
- Hančar F. 1943b. Skythische Kunst im Steppenraum von Dnjepr zum Kuban. *Die Umschau in Wissenschaft und Technik* 47. Frankfurt am Main, 104–107.
- Hančar F. 1943c. Ein nordisches Streitwagenbild im östlichen Kaukasus. *Forschungen und Fortschritte* 19, 26–28.
- Hančar F. 1944. Die bemalte Keramik Transkaukasiens im Lichte neuer Funde. *Archiv für Orientforschung* XIV. Berlin, 284–298.
- Hančar F. 1945. Kreuzfüßige Räucherschalen aus dem Tale des Manyč (Ihre kulturelle Verbindung mit Ocker und ältester Schädelformation). *SMYA* XLV, 65–80.
- Hančar F. 1947. Hallstatt–Kaukasus. Ein Beitrag zur Klärung des Kimmerierproblems. *MAG* LXXIII–LXXVII, 152–167.
- Hančar F. 1949a. Die Auswertung unseres Geschichtsbildes durch die sowjetische Urgeschichtsforschung. *Blick nach Osten* 2. Berlin: Ferd. Kleinmayr Verlag, 37–62.
- Hančar F. 1949b. Im Lande der Skythen. *Frohes Schaffen* 23. Wien, 83–94.
- Hančar F. 1949c. Aus dem Problematik Urartus. Urartus Bedeutung für die Urgeschichte Transkaukasiens. *Archiv orientální* XVII. Praha, 298–309.
- Hančar F. 1950a. Die Skythen als Forschungsproblem. Reinecke-Festschrift. In: Behrens G. von und Werner J. (hrsg.). *Zum 75. Geburtstag von Paul Reinecke zum 25. September 1947*. Mainz: E. Schneider Verlag, 67–83.
- Hančar F. 1950b. Der jungpaläolithische Wohnbau und sein Problemkreis. *MAG* LXXX, 86–100.
- Hančar F. 1950c. Das Mammut, der Elefant der letzten Eiszeit. *Mitteilungen der Urgeschichtlichen Arbeitsgemeinschaft* I: 3–4 (März/April). Wien, 1–4.
- Hančar F. 1950d. Aus der Wirtschaft des jungpaläolithischen Mammutjägers. *Mitteilungen der Urgeschichtlichen Arbeitsgemeinschaft* I: 5–6 (Mai/Juni). Wien, 1–4.
- Hančar F. 1950e. Hallstatt und der Ostraum. Ein Beitrag zur Klärung des Kimmerierproblems. *Ephemeridis Instituti Archaeologici Bulgarici* XVI. Sofia, 265–274.
- Hančar F. 1951a. Probleme und Ergebnisse der neuen russischen Urgeschichtsforschung. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 33 (1943–1950). Berlin, 25–60.
- Hančar F. 1951b. Die „goldbewachenden“ Greifen des Altai. *Frohes Schaffen* 25. Wien, 63–72.
- Hančar F. 1952a. Stand der Paläolithforschung im Schwarzmeerraum und in Mittelasien (Unteres und mittleres Paläolithikum). *MAG* LXXXII, 50–82.
- Hančar F. 1952b. The Eurasian Animal Style and the Altai Complex (Cultural historical interpretation with a consideration of the newest Pazyryk discoveries of 1946–1949). *Artibus Asiae* XV. New York: Institute of Fine Arts, New York University, 171–194.
- Hančar F. 1952c. Stand und historische Bedeutung der Pferdezucht Mittelasiens im 1. Jahrtausend v. Chr. Kultur und Sprache. *Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik* IX. Wien, 465–483. (Festband gewidmet dem IV. Internationalen Kongreß für Anthropologie und Ethnologie, Wien, September 1952.)
- Hančar F. 1952d. *Urgeschichte. Erbe des Abendlandes, Lehrbuch der Geschichte für höhere Schulen, Oberstufe 1: Urzeit und Altertum* (bearb. von G. Stadtmüller und A. Wucher). Düsseldorf, 13–20.
- Hančar F. 1953. Die Elemente des Himmels (Sonne und Regen) in Kunst und Kult urgeschichtlicher Zeit. *Mitteilungen der Urgeschichtlichen Arbeitsgemeinschaft* IV: 6. Wien, 7–17.
- Hančar F. 1954. Der Alte Orient. Der Eurasische Raum (Urzeitliche Großräume). In: Randa A. (hrsg.). *Handbuch der Weltgeschichte, Ein Totalbild der Menschheit* 1. Olten und Freiburg im Breisgau, 107–118, 146–153.
- Hančar F. 1955. Urgeschichtliche Erkenntnisse zum eurasiatischen Viehzüchternomadentum. *Palaeologia* IV. Osaka, 264–273.
- Hančar F. 1956a. *Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit*. Wien und München: Herold. (Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, hrsg. von Wilhelm Koppers, Robert Heine-Geldern und Josef Haekel XI.)
- Hančar F. 1956b. Ostgravettien oder Solutreen. Zum Problem der „lokalen Unterschiede im oberen Paläolithikum“. *Archaeologia Austriaca* 19/20. Wien, 28–48.
- Hančar F. 1956c. Die Venusstatuette von Jelisejevič (Kreis Brjansk). *IPEK, Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst* 18 (1949–1953). Berlin, 1–6.
- Hančar F. 1956d. Kulturelement Pferd. Wertung und Einbau. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte* VII. Göttingen: Böhlau Verlag, 442–453.
- Hančar F. 1956e. Die Kunst der frühen Nomaden Eurasiens. In: Weigert H. (Hrsg.). *Kleine Kunstgeschichte der Vorzeit und der Naturvölker*. (Kleine Kunstgeschichte der Welt I). Stuttgart, 145–175.
- Hančar F. 1956f. «Altai-Skythen» und Schamanismus. *Actes du IVe Congrès International des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques* (Vienne, 1–8 September 1952) 3. Wien, 183–189.
- Hančar F. 1958. Erkenntnisbeitrag zum Tierzuchtanfang. Vielschichtige Höhlenstation als Entwicklungs-

№1. 2026

- pegel. *Der Schlern. Zeitschrift für Südtiroler Landeskunde* 32. Bozen: Verlagsanstalt Athesia, 139–144.
- Hančar F. 1959a. Probleme und Erkenntnisse der osteuropäischen Paläolithforschung. *Beiträge Österreichs zur Erforschung der Vergangenheit und Kulturgeschichte der Menschheit mit besonderer Berücksichtigung Mitteleuropas: Berichte über das 1. Österreichische Symposium auf Burg Wartenstein bei Gloggnitz 8.–12. Sept. 1958*. Horn, 23–36.
- Hančar F. 1959b. Zur Frage der Herdentier — Erstdomestikation. Ziegenzuchtbeginn im Lichte prähistorischer und früher historischer Daten. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte* X. Göttingen: Böhlau Verlag, 21–37.
- Hančar F. 1960. Aus dem Arbeitsbereich der sowjetischen Ur- und Frühgeschichtsforschung. Ein Beitrag zu ihrer Wesens- und Werterkennung. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte* XI. Göttingen: Böhlau Verlag, 64–88.
- Hančar F. 1961. Der heilige Baum der Urartäer in vorarnenischer Zeit. *Handes Amsorya. Zeitschrift für armenische Philologie* 75. Marburg, 697–722.
- Hančar F. 1962a. Die osteuropäische Mammutjägerstation Mezin. Ihr Platz in der Problematik des oberen Paläolithikums nach den neuesten Ausgrabungen. *MAG XCI*, 64–90.
- Hančar F. 1962b. Luristanbronzen. Zur Ausstellung “7000 Jahre Kunst in Iran”. *Alte und modern Kunst* 7: 64/65 (September/Oktober), 12–16.
- Kivikoski Ella. 1954. A. M. Tallgren. *ESA Supplementary Volume*, 77–121.
- Kohl Philip L., Perez Gollan J.A. 2002. Religion, Politics, and Prehistory, Reassessing the Lingering Legacy of Oswald Menghin. *Current Anthropology* 43, 561–586.
- Krupnov Je.I. 1962. Kaukasische “Pintaderas”. *Franz Hančar zum siebzigsten Geburtstag*. Horn — Wien: Verlag Ferdinand Berger, 197–205. (MAG XCII.)
- Menghin O. 1931. *Weltgeschichte der Steinzeit*. Wien: Anton Scroll & Co.
- Merhart G. 1912. Gräber mit bemalter Keramik aus Beilngries (Oberpfalz). *Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns* 19. München, 37–55.
- Merhart G. 1923. The palaeolithic period in Siberia: Contributions to the prehistory of the Jenissei region. *American Anthropologist* 25:1, 23–55.
- Merhart G. 1928. Sibirien, B: Neolithikum. In: Ebert M. (hrsg.). *Reallexikon der Vorgeschichte* XII. Berlin, 57–70.
- Merhart G. 2008. *Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen*. Wien-Köln-Weimar: Böhlau-Verlag.
- Minns E.H. 1913. *Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge: University Press.
- Motzenbäcker I. 1996. *Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit*. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin — Preussischer Kulturbesitz. (Museum für Vor- und Frühgeschichte. Bestandskataloge 3.)
- Nazi... 1946: *Nazi conspiracy and aggression* III. 1946. Office of United States Chief of Council for Prosecution of Axis Criminality. Washington: United States Government Printing Office.
- Pittioni R. 1934. Franz Hančar. Kaukasus — Luristan, Züge kultureller Verwandtschaft des prähistorischen Kaukasusgebietes mit dem alten Orient. *ESA*. 1934. Vol. IX. S. 47–112. *WPZ XXI*, 62–63.
- Rostovtzeff M. I. 1931. Some Remarks on the Luristan Bronzes. *IPEK, Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst* 7. Berlin und Leipzig, 45–56.
- Strena... 1945: *Strena archaeologica Professore A.M. Tallgren 8.2.1945 sexagenario dedicate*. 1945. Helsinki: K. F. Puromiehen Kirjapaino O.-Y. (SMYA XLV.)
- Tallgren A. M. 1926. Kuban. In : Ebert M. (hrsg.). *Reallexikon der Vorgeschichte* VII. Berlin, 110.
- Tallgren A. M. 1931. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit. *ESA* VI, 126–145.
- Tallgren A. M. 1933. Dolmens of North Caucasia. *Antiquity* VII (26), 190–202.
- Tallgren A. M. 1936. Archaeological Studies in Soviet Russia. *ESA* X, 129–170.
- Tallgren A. M. 1937. The Method of Prehistoric Archaeology. *Antiquity* XI (42), 152–161.
- Terenozhkin A. I. 1962. Der Bronzekessel des Odessaer Museums. *Franz Hančar zum siebzigsten Geburtstag*. Horn — Wien: Verlag Ferdinand Berger, 272–277. (MAG XCII.)
- Toth Z. 1930. “Atilla’s Schwert”. *Studie über die Herkunft des sogenannten Säbels Karls des Grossen in Wien*. Budapest: Ungarische Akademie der Wissenschaften.
- Urban Otto H. 2001. Pittioni Richard. *Neue Deutsche Biographie* 20. Berlin: Duncker & Humblot, 490.

References

- Andreeva, M. V. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 39–56 (in Russian).
- Andreeva, M. V. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 22–34 (in Russian).
- Auerbakh, N.K. 1930. In *Trudy O-va izucheniia Sibiri i ee proizvoditel'nykh sil (Proceedings of the Society for the Study of Siberia and its Productive Forces)* 7. Novosibirsk (in Russian).
- Belozzerova, I. V., Kuz'minykh, S. V. 2025. In Vybornov, A. A. et al. (eds.). *Soediniaia prostranstvo i vremia: metody prostranstvennogo analiza v izuchenii pozdnego kamennogo veka Evrazii (Connecting Space and Time: Spatial Analysis Methods in the Study of the Late Stone Age in Eurasia)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 16–18 (in Russian).
- Bogaevskii, B.L. 1932. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (5–6), 164–177 (in Russian).
- Bongard-Levin, G. M. 1997. In Bongard-Levin, G. M. (ed.). *Skifskii roman (The Scythian Novel)*. Moscow: “ROSSPEN” Publ., 305–328 (in Russian).
- Bykovskii, S. N. 1931. *Iafeticheskii predok vostochnykh slavian — kimmeriitsy (The Japhetic Ancestor of the Eastern Slavs: The Cimmerians)*. Leningrad: State Academy for the History of Material Culture. (Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) VIII, vyp. 8–10.) (in Russian).
- Vdovin, A. S., Detlova, E. V., Makarov, N. P. 2012. In Vdovin, A. S., Tunkina, I. V. (eds.). *Evraziiskii arheologo-istoriograficheskii sbornik. K 60-letiiu S.V. Kuz'minykh (Eurasian Archaeological and Historiographical Compilation. To S.V. Kuz'minykh's 60th Anniversary)*. Saint Petersburg: Krasnoyarsk: Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences; Krasnoyarsk State Pedagogical University, 104–123 (in Russian).
- Ganchar Frants (Hančar Franz). 1971. *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)* 6, 114 (in Russian).
- Dautova, R.A., Mamaev, Kh. M. 2009. In Umarov, M. U. *Istorikokul'turnoe i prirodnoe nasledie narodov iuga Rossii (Historical, Cultural and Natural Heritage of the Peoples of*

- Southern Russia) I. Grozny: Academy of Sciences of the Chechen Republic, 232–241 (in Russian).
- Detlova, E.V., Kuz'minykh, S.V. 2012. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 20, 10 (in Russian).
- Efimenko, P.P. 1934. *Dorodovoe obshchestvo: ocherki po istorii pervobytno-kommunisticheskogo obshchestva (Pre-Clan Society: Essays on the History of the Prehistoric-Communist Society)*. Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) 79. Moscow; Leningrad: "Gosudarstvennoe sotsial'no-politicheskoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Zamiatnin, S.N. 1935. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 109, 213–226 (in Russian).
- Zamiatnin, S.N. 1935. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (2), 116–123 (in Russian).
- Ivanovskaia, T.A. 1928–1929. In *Mystetstvoznavstvo (Art Studies)* 1. Kharkiv: "Proletarii" Publ., 11–27 (in Russian).
- Ivashchenko, M.M. 1935. *Issledovanie arkhaiskikh pamiatnikov material'noi kul'tury v Abkhazii (Studies of Archaic Sites of Material Culture in Abkhazia)*. Series: Izvestiia NII Kavkazovedeniia (Bulletin of the Research Institute for Caucasian Studies) 3. Tbilisi (in Russian).
- Iessen, A.A. 1935. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 120, 7–237 (in Russian).
- Iessen, A.A. 1939. In Orbeli, I.A. (ed.). *III Mezhdunarodnyi kongress po iranskomu iskusstvu i arkhologii (3rd International Congress on the Iranian Art and Archaeology)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 91–103 (in Russian).
- Kantorovich, A.R. 2018. In Singh, V.K. (ed., comp.). *Neskonchaeom leto. Sbornik statei v chest' E. A. Rybinoi (Endless Summer: Ad gloriam E. Rybina)*. Moscow; Veliky Novgorod; Saint Petersburg: Novgorod Museum-Reserve, 90–97 (in Russian).
- Kitova, L. Yu. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 146–153 (in Russian).
- Klejn, L.S. 2011. *Istoriia arkhologicheskoi mysli (History of Archaeological Thought)* I. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Klejn, L.S. 2011. *Istoriia arkhologicheskoi mysli (History of Archaeological Thought)* II. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
- Kovalev, M.V., Sheresh A. 2019. In *Slavianovedenie (Slavonic Studies)* (4), 24–36 (in Russian).
- Krichevskii, E. Yu., Kruglov, A.P. 1941. In Artamonov, M.I. (ed.). *Materialy po arkhologii Kabardino-Balkarii (Sources for the Archaeology of Kabardino-Balkaria)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 3. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 51–66 (in Russian).
- Krupnov, E.I. 1960. *Drevniaia istoriia Severnogo Kavkaza (Ancient History of the Northern Caucasus)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Krupnov, E.I. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 312–314 (in Russian).
- Kuz'minykh, S.V. 2007. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 7, 611 (in Russian).
- Kuz'minykh, S.V., Belozerova, I.V. 2025. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4) (in Russian).
- Kuz'minykh, S.V., Detlova, E.V., Salminen, T., Safonov, I.E. 2015. In Chernykh, I.N. (ed.). *Tverskoi arkhologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 10 (II). Tver: "Triada" Publ., 20–42 (in Russian).
- Kuz'minykh, S.V., Shuteleva, I.A., Shcherbakov, N.B. 2020. In Derevianko, A.P., et al. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkhologicheskogo s'ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russian Archaeological Meeting in Samara)* III. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 137–139 (in Russian).
- Kuz'minykh, S.V., Detlova, E.V., Belozerova, I.V. 2025. In *Pervobytnaia arkhologiia. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovani (Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies)* (2), 74–154 (in Russian).
- Merhart, G.v. 2019. *Vospominaniia o Sovetskoii Rossii. Pis'ma (Memoirs of Soviet Russia: Letters)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Museum of Local History (in Russian).
- Merhart, G.v. 2023. *Daleko: Kartiny iz sibirskikh budnei (Far Away: Pictures from Everyday Siberian Life)*. Krasnoyarsk: "Poliklor" Publ. (in Russian).
- Meshchaninov, I.I. 1925. In *Zapiski Kollegii vostokovedov (Proceedings of the College of Orientalists)* 1, 401–408 (in Russian).
- Meshchaninov, I.I. 1926. In *Soobshcheniia [Sb. RAIMK] (Reports: Collected Papers of the Russian Academy for the History of Material Culture)* I, 217–240 (in Russian).
- Meshchaninov, I.I. 1932. *Tsiklopeicheskie sooruzheniia Zakavkaz'ia (Cyclopean Structures of Transcaucasia)*. Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) XIII, issues 4–7. Leningrad: State Academy for the History of Material Culture. (in Russian).
- Munchaev, R.M. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 5–14 (in Russian).
- Nioradze, G.K. 1934. In Butin, V.F., et al. (eds.). *Trudy II Mezhdunarodnoi konferentsii AICHPE (Proceedings of the 2nd International Meeting of the Association for the Study of the Quaternary Period of Europe)* V. Moscow; Leningrad: "Gos. nauch.-tekhn. geol.-razved. izd-vo" Publ., 219–229 (in Russian).
- Petri, B.E. 1926. In *Izvestiia Biologo-geograficheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pri Irkutskom gosudarstvennom universitete (Bulletin of the Biological and Geographical Research Institute at Irkutsk State University)* 3 (1), 39–75 (in Russian).
- Piotrovskii, Yu. Yu. 2011. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 18, 464–465 (in Russian).
- Piotrovskii, Yu. Yu. 2011. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 18, 465–466 (in Russian).
- Sayenko, V. 2015. In Sytnyk, O. (ed.-in-chief). *Materialy i doslidzhennia z arkhologii Prykarpatyia i Volyni (Materials and Research on Archaeology of the Cis-Carpathians and Volhynia)* 19. Lviv: Institute for Ukrainian Studies named after I. Kryp'yakevych, National Academy of Sciences of Ukraine, 123–135 (in Ukrainian).
- Sayenko, V.M. 2019. *Oleksij Terenozhkin yak doslidnyk davn'oi istorii Ukrainy (Oleksij Terenozhkin as a Researcher of the Ancient History of Ukraine)*. PhD Thesis. Drohobych (in Ukrainian).
- Sviridov, A.V. 2011. In Pleshivenko, A.G. (comp.). "I zhizn', i slezy, i liubov'" ("And Ever Tears, Life and Love"). Zaporozh'e: OOO «LIPS» LTD, 317–341 (in Russian).
- Skakov, A. Yu. 2008. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 12, 444 (in Russian).
- Skoryj, S.A., Sayenko, V.M. 2017. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 4, 49–60 (in Ukrainian).
- Strelkov, A.S. 1937. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 205–215 (in Russian).
- Tarasov, A.V. 2014. In *VVState University* 2, 42–47 (in Russian).
- Terenozhkin, A.I. 2006. *Iz zhizni Alekseia Terenozhkina (napisano ego rukoi, sobrano ego synom) (From the Life of Alexei Terenozhkin: Written in His Own Hand, Collected by His Son)*. Kyiv: "Korvin press" Publ. (in Russian).
- Sharov, O.V. 2015. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 28, 197 (in Russian).
- Bittel, K. 1934. *Prähistorische Forschung in Kleinasien*. Istanbul: Abteilung Istanbul des Archäologischen Instituts des Deutschen Reiches. (Istanbuler Forschungen. Bd. 6.).
- Brjussow, A. 1962. Ein neolithischer Kahn aus dem Historischen Museum. *Franz Hančar zum siebzigsten Geburtstag*. Horn; Wien: Verlag Ferdinand Berger, 47–52. (MAG XCII.).
- Dullo, E. 1936. Die kaukasischen Äxte der Bronzezeit. *PZ* 27, 66–172.
- Eurasia Septentrionalis Antiqua I–XII. General Register. 1954. *ESA Supplementary Volume*, 5–76.
- Jettmar, K. 1963. *Franz Hančar 70 Jahre alt. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 11. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 315–317.

№1. 2026

- Filip, Jan. 1966. Hančar Franz. *Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas* 1. Prag: Academia, 463.
- Filip, Jan. 1969. Unverzagt Wilhelm. *Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas* 2. Prag: Academia, 1552–1553.
- Fox, Cyril. 1932. *The personality of Britain: its influence on inhabitant and invader in prehistoric and early historic times*. Cardiff: Published by the National Museum of Wales and by the Press Board of the University of Wales.
- Franz Hančar zum siebzigsten Geburtstage. 1962. *MAG* XCII. Horn; Wien: Verlag Ferdinand Berger.
- Hančar, F. 1931. Einige Gürtelschließen aus dem Kaukasus. Untersuchung über ihre Stellung innerhalb der kaukasischen Tierdarstellungen. *ESA* VI, 146–158.
- Hančar, F. 1931. Eine kaukasische Gürtelschnalle aus Bronze im Wiener Völkerkundemuseum. *WPZ* XVIII, 45–53.
- Hančar, F. 1931. Der forschende Spaten. *Frohes Schaffen* VIII. Wien; Leipzig, 259–266.
- Hančar, F. 1932. Die Nadelformen des prähistorischen Kaukasusgebietes: (Typologische Untersuchung mit besonderer Berücksichtigung der kaukasischen Nadeln im Wiener Völkerkundemuseum). *ESA* VII, 113–182.
- Hančar, F. 1933. Bericht über den "I. International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences (London 1932)". *WPZ* XX, 65–68.
- Hančar, F. 1933. Bericht über den I. International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences London 1932. *ESA* VIII, 65–68.
- Hančar, F. 1934. Kaukasus — Luristan. Züge kultureller Verwandtschaft des prähistorischen Kaukasusgebietes mit dem Alten Orient. *ESA* IX, 47–112.
- Hančar, F. 1934. Beile aus Koban in der Wiener Sammlung kaukasischer Altertümer. *WPZ* XXI, 12–44.
- Hančar, F. 1935. Zum Problem des "kaukasische" Tierstils. *Wiener Beiträge zur Kunst- und Kulturgeschichte Asiens* IX (1934). Wien, 3–34.
- Hančar, F. 1935. Problem des kaukasischen Tierstils. *MAG* LXV, 276–294.
- Hančar, F. 1935. Die königlichen Skythen. *Frohes Schaffen* XII. Wien und Leipzig, 269–278.
- Hančar, F. 1936. Roß und Reiter in urgeschichtlichen Kaukasus. *IPEK, Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst* 10 (1935). Berlin; Leipzig, 49–65.
- Hančar, F. 1937. *Urgeschichte Kaukasien von den Anfängen seiner Besiedlung bis in die Zeit seiner frühen Metallurgie*. Wien; Leipzig: Anton Schroll and Co.
- Hančar, F. 1937. Die neuen aeneolithischen Funde Kleinasien in Lichte kaukasischer Urgeschichtsforschung. Vortrag II. *Türkischer Geschichtskongreß*. Istanbul.
- Hančar, F. 1938. Alağa Höyük. Ein hervorragender kupferzeitlicher Siedlungs- und Bestattungsplatz unfern von Boghazköy. *Wiener Beiträge zur Kunst- und Kulturgeschichte Asiens* XII. Wien, 3–36.
- Hančar, F. 1938. Kaukasische Sprossenfibeln. *ESA* XII, 139–152.
- Hančar, F. 1940. Der Kult der Großen Mutter im kupferzeitlichen Kleinasien. Zur Deutung der Kultstandarten des Alağa Höyüks. *Archiv für Orientforschung* XIII. Berlin, 289–298.
- Hančar, F. 1939/1940. Zum Problem der Venusstatuetten im eurasiatischen Jungpaläolithikum. *PZ* 30/31, 85–156.
- Hančar, F. 1941. Neandertaler und andere altsteinzeitliche Menschreize aus russischen Gebieten. *MAG* LXXI, 198–218.
- Hančar, F. 1942. Probleme der jüngeren Altsteinzeit Osteuropas. Versuch einer Systematisierung. *Quartär* 4, 125–186.
- Hančar, F. 1943. Zur Deutung einer urgeschichtlichen kaukasischen Kunstform. *IPEK, Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst* 15/16 (1941/42). Berlin, 63–75.
- Hančar, F. 1943. Skythische Kunst im Steppenraum von Dnjepr zum Kuban. *Die Umschau in Wissenschaft und Technik* 47. Frankfurt am Main, 104–107.
- Hančar, F. 1943. Ein nordisches Streitwagenbild im östlichen Kaukasus. *Forschungen und Fortschritte* 19, 26–28.
- Hančar, F. 1944. Die bemalte Keramik Transkaukasiens im Lichte neuer Funde. *Archiv für Orientforschung* XIV. Berlin, 284–298.
- Hančar, F. 1945. Kreuzfußige Räucherschalen aus dem Tale des Manyč (Ihre kulturelle Verbindung mit Ocker und ältester Schädelformation). *SMYA* XLV, 65–80.
- Hančar, F. 1947. Hallstatt–Kaukasus. Ein Beitrag zur Klärung des Kimmerierproblems. *MAG* LXXIII–LXXVII, 152–167.
- Hančar, F. 1949. Die Auswertung unseres Geschichtsbildes durch die sowjetische Urgeschichtsforschung. *Blick nach Osten* 2. Berlin: Ferd. Kleinmayr Verlag, 37–62.
- Hančar, F. 1949. Im Lande der Skythen. *Frohes Schaffen* 23. Wien, 83–94.
- Hančar, F. 1949. Aus dem Problematik Urartus. Urartus Bedeutung für die Urgeschichte Transkaukasiens. *Archiv orientální* XVII. Praha, 298–309.
- Hančar, F. 1950. Die Skythen als Forschungsproblem. Reinecke-Festschrift. In Behrens G. von und Werner J. (Hrsg.). *Zum 75. Geburtstag von Paul Reinecke zum 25. September 1947*. Mainz: E. Schneider Verlag, 67–83.
- Hančar, F. 1950. Der jungpaläolithische Wohnbau und sein Problemkreis. *MAG* LXXX, 86–100.
- Hančar, F. 1950. Das Mammot, der Elefant der letzten Eiszeit. *Mitteilungen der Urgeschichtlichen Arbeitsgemeinschaft* I: 3–4 (März/April). Wien, 1–4.
- Hančar, F. 1950. Aus der Wirtschaft des jungpaläolithischen Mammotjägers. *Mitteilungen der Urgeschichtlichen Arbeitsgemeinschaft* I: 5–6 (Mai/Juni). Wien, 1–4.
- Hančar, F. 1950. Hallstatt und der Ostraum. Ein Beitrag zur Klärung des Kimmerierproblems. *Ephemeridis Instituti Archaeologici Bulgarici* XVI. Sofia, 265–274.
- Hančar, F. 1951. Probleme und Ergebnisse der neuen russischen Urgeschichtsforschung. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 33 (1943–1950). Berlin, 25–60.
- Hančar, F. 1951. Die "goldbewachenden" Greifen des Altai. *Frohes Schaffen* 25. Wien, 63–72.
- Hančar, F. 1952. Stand der Paläolithforschung im Schwarzmeerraum und in Mittelasien (Unteres und mittleres Paläolithikum). *MAG* LXXXII, 50–82.
- Hančar, F. 1952. The Eurasian Animal Style and the Altai Complex (Cultural historical interpretation with a consideration of the newest Pazyryk discoveries of 1946–1949). *Artibus Asiae* XV. New York: Institute of Fine, New York University, 171–194.
- Hančar, F. 1952. Stand und historische Bedeutung der Pferdezucht Mittelasien im 1. Jahrtausend v. Chr. Kultur und Sprache. *Wiener Beiträge zur Kunstgeschichte und Linguistik* IX. Wien, 465–483. (Festband gewidmet dem IV. Internationalen Kongreß für Anthropologie und Ethnologie, Wien, September 1952.).
- Hančar, F. 1952. Urgeschichte. *Erbe des Abendlandes, Lehrbuch der Geschichte für höhere Schulen, Oberstufe* 1: Urzeit und Altertum (bearb. von G. Stadtmüller und A. Wucher). Düsseldorf, 13–20.
- Hančar, F. 1953. Die Elemente des Himmels (Sonne und Regen) in Kunst und Kult urgeschichtlicher Zeit. *Mitteilungen der Urgeschichtlichen Arbeitsgemeinschaft* IV: 6. Wien, 7–17.
- Hančar, F. 1954. Der Alte Orient. Der Eurasische Raum (Urzeitliche Großräume). In Randa A. (Hrsg.). *Handbuch der Weltgeschichte, Ein Totalbild der Menschheit* 1. Olten und Freiburg im Breisgau, 107–118, 146–153.
- Hančar, F. 1955. Urgeschichtliche Erkenntnisse zum eurasiatischen Viehzüchternomadentum. *Palaeologia* IV. Osaka, 264–273.
- Hančar, F. 1956. *Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit*. Wien und München: Herold. (Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, Hrsg. von Wilhelm Koppers, Robert Heine-Geldern und Josef Haekel XI.).
- Hančar, F. 1956. Ostgravettien oder Solutreen. Zum Problem der "lokalen Unterschiede im oberen Paläolithikum". *Archaeologia Austriaca* 19/20. Wien, 28–48.
- Hančar, F. 1956. Die Venusstatuette von Jelisejevič (Kreis Brjansk). *IPEK, Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst* 18 (1949–1953). Berlin, 1–6.
- Hančar, F. 1956. Kulturelement Pferd. Wertung und Einbau. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte* VII. Göttingen: Böhlau Verlag, 442–453.
- Hančar, F. 1956. Die Kunst der frühen Nomaden Eurasiens. In Weigert H. (Hrsg.). *Kleine Kunstgeschichte der Vorzeit und der Naturvölker*. Stuttgart, 145–175. (Kleine Kunstge-

- schichte der Welt I).
- Hančar F. «Altai-Skythen» und Schamanismus. *Actes du IVe Congrès International des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques* (Vienne, 1–8 September 1952). Bd. 3. Wien, 1956 f. S. 183–189.
- Hančar, F. 1958. Erkenntnisbeitrag zum Tierzuchtanfang. Vielschichtige Höhlenstation als Entwicklungspegel. *Der Schlern. Zeitschrift für Südtiroler Landeskunde* 32. Bozen: Verlagsanstalt Athesia, 139–144.
- Hančar, F. 1959. Probleme und Erkenntnisse der osteuropäischen Paläolithforschung. *Beiträge Österreichs zur Erforschung der Vergangenheit und Kulturgeschichte der Menschheit mit besonderer Berücksichtigung Mitteleuropas: Berichte über das 1. Österreichische Symposium auf Burg Wartenstein bei Gloggnitz 8.–12. Sept. 1958*. Horn, 23–36.
- Hančar, F. 1959. Zur Frage der Herdentier — Erstdomestikation. Ziegenzuchtbeginn im Lichte prähistorischer und früher historischer Daten. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte* X. Göttingen: Böhlau Verlag, 21–37.
- Hančar, F. 1960. Aus dem Arbeitsbereich der sowjetischen Ur- und Frühgeschichtsforschung. Ein Beitrag zu ihrer Wesens- und Werterkennung. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte* XI. Göttingen: Böhlau Verlag, 64–88.
- Hančar, F. 1961. Der heilige Baum der Urartäer in voramenischer Zeit. *Handes Amsorya. Zeitschrift für armenische Philologie* 75. Marburg, 697–722.
- Hančar, F. 1962. Die osteuropäische Mammutjägerstation Mezin. Ihr Platz in der Problematik des oberen Paläolithikums nach den neuesten Ausgrabungen. *MAG XCI*, 64–90.
- Hančar, F. 1962. Luristanbronzen. Zur Ausstellung “7000 Jahre Kunst in Iran”. *Alte und modern Kunst* 7: 64/65 (September/Oktober), 12–16.
- Kivikoski, Ella. 1954., A. M. Tallgren. *ESA Supplementary Volume*, 77–121.
- Kohl, Philip L., Perez Gollan, J.A. 2002. Religion, Politics, and Prehistory, Reassessing the Lingering Legacy of Oswald Menghin. *Current Anthropology* 43, 561–586.
- Krupnov, Je. I. 1962. Kaukasische “Pintaderas”. *Franz Hančar zum siebzigsten Geburtstag*. Horn — Wien: Verlag Ferdinand Berger, 197–205. (MAG XCII.).
- Menghin, O. 1931. *Weltgeschichte der Steinzeit*. Wien: Anton Scroll & Co.
- Merhart, G. 1912. Gräber mit bemalter Keramik aus Beilngries (Oberpfalz). *Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns* 19. München, 37–55.
- Merhart, G. 1923. The palaeolithic period in Sibiria: Contributions to the prehistory of the Jenissei region. *American Anthropologist* 25:1, 23–55.
- Merhart, G. 1928. Sibirien, B: Neolithikum. In Ebert M. (hrsg.). *Reallexikon der Vorgeschichte* XII. Berlin, 57–70.
- Merhart, G. 2008. *Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen*. Wien-Köln-Weimar: Böhlau-Verlag.
- Minns, E.H. 1913. *Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge: University Press.
- Motzenbäcker, I. 1996. *Sammlung Kosnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit*. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin — Preussischer Kulturbesitz. (Museum für Vor- und Frühgeschichte. Bestandskataloge 3.).
- Nazi conspiracy and aggression* III. 1946. Office of United States Chief of Council for Prosecution of Axis Criminality. Washington: United States Government Printing Office.
- Pittioni R. 1934. Franz Hančar. Kaukasus — Luristan, Züge kultureller Verwandtschaft des prähistorischen Kaukasusgebietes mit dem alten Orient. *ESA*. 1934. Vol. IX. S. 47–112. *WPZ XXI*, 62–63.
- Rostovtzeff, M.I. 1931. Some Remarks on the Luristan Bronzes. *IPEK, Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst* 7. Berlin und Leipzig, 45–56.
- Strena archaeologica Professori A. M. Tallgren 8.2.1945 sexagenario dedicate*. 1945. Helsinki: K. F. Puromiehen Kirjapaino O.-Y. (SMYA XLV.).
- Tallgren, A.M. 1926. Kuban. In : Ebert M. (hrsg.). *Reallexikon der Vorgeschichte* VII. Berlin, 110.
- Tallgren, A.M. 1931. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit. *ESA VI*, 126–145.
- Tallgren, A.M. 1933. Dolmens of North Caucasia. *Antiquity* VII (26), 190–202.
- Tallgren, A.M. 1936. Archaeological Studies in Soviet Russia. *ESA X*, 129–170.
- Tallgren, A.M. 1937. The Method of Prehistoric Archaeology. *Antiquity* XI (42), 152–161.
- Terenožkin, A.I. 1962. Der Bronzekeßel des Odessaer Museums. *Franz Hančar zum siebzigsten Geburtstag*. Horn — Wien: Verlag Ferdinand Berger, 272–277. (MAG XCII.).
- Toth, Z. 1930. “Atilla’s Schwert”. *Studie über die Herkunft des sogenannten Säbels Karls des Grossen in Wien*. Budapest: Ungarische Akademie der Wissenschaften.
- Urban, Otto H. 2001. Pittioni Richard. *Neue Deutsche Biographie* 20. Berlin: Duncker & Humblot, 490.

Статья поступила в номер 28 октября 2025 г.

Ekaterina Detlova (Krasnoyarsk, Russian Federation). Krasnoyarsk museum of local lore¹.

Ekaterina Detlova (Krasnoyarsk, Russia). Muzeul de studii locale din Krasnoyarsk.

Детлова Екатерина Владимировна (Красноярск, Россия). Красноярский краевой краеведческий музей.

E-mail: detlova2012@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5543-2482

Sergei Kuzminykh (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences².

Sergei Kuzminykh (Moscow, Russia). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei de Științe a Rusiei.

Кузьминых Сергей Владимирович (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской академии наук.

E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3926-2185

Addresses: ¹ Dubrovinsky St., 84, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; ² Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation

Список сокращений

АБКУ	Архив библиотеки Кембриджского университета. Кембридж.
АВУ	Архив Венского университета. Вена.
АИЧПЕ	Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.
АМУ	Архив Марбургского университета. Марбург.
АН СССР	Академия наук СССР.
АН ЧР	Академия наук Чеченской республики. Грозный.
АО	Археологические открытия. Москва..
АСГЭ	Археологический сборник государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БГУ	Бурятский государственный университет. Улан-Удэ.
БРЭ	Большая российская энциклопедия. Москва.
БС	ближайший сосед.
БСЭ	Большая советская энциклопедия. Москва.
ВААЭ	Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВОКС	Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.
ВСЕГЕИ	Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского. Санкт-Петербург.
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры. Ленинград.
ГИАМЗ	Государственный историко-археологический музей-заповедник.
ГИМ	Государственный исторический музей. Москва.
ГК	главная компонента.
ЗВП	зона высокой плотности.
ЗИН	Зоологический институт Российской академии наук. Ленинград / Санкт-Петербург.
ЗКВ	Записки Коллегии востоковедов. Ленинград.
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук. Москва.
ИАЭ, ИАЭА	Институт антропологии, этнографии и археологии (Кунсткамера) АН СССР. Ленинград
ИАЭТ СО РАН	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Москва; Ленинград.
ИГУ	Иркутский государственный университет. Иркутск.
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
ИНКВА	Международный союз четвертичных исследований.
ИО РАН	Институт океанографии Российской академии наук. Москва.
КБС	корреляция ближайших соседей.
КГПУ	Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Красноярск.
КККМ	Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск.
Костенки 17/II	Костенки 17, II культурный слой.
Костенки 14/IVw	Костенки 14, IVw культурный слой.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИИМК	Краткие сообщения ИИМК АН СССР/РАН. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург.
л.н.	лет назад.
ЛГУ	Ленинградский государственный университет. Ленинград.
ЛИЛИ	Ленинградский историко-лингвистический институт. Ленинград.
ЛИФЛИ	Ленинградский институт истории, философии и лингвистики. Ленинград.
ЛОИЯМ	Ленинградское отделение Института языка и мышления АН СССР. Ленинград.
МАЭ РАН	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» Российской академии наук. Санкт-Петербург.
МВНПК	Материалы всероссийской научно-практической конференции.
МГУ	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИС	морская изотопная стадия.
ММК	Материалы межрегиональной конференции.
ММНК	Материалы международной научной конференции.
МОИП	Московское общество испытателей природы. Москва.

МРНК	Материалы региональной научной конференции.
НГПУ	Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск.
НГУ	новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НИИ	научно-исследовательский институт.
ОГПУ	Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Москва..
ОСЛ	оптически-стимулированная люминесценция.
ПАЭАССТ	Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
ПВП	поздний верхний палеолит.
РА	Российская археология. Москва.
РАИМК	Российская Академия истории материальной культуры. Ленинград.
РАН	Российская академия наук. Москва.
РАНИОН	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва.
РВП	ранний верхний палеолит.
РГГУ	Российский государственный гуманитарный университет. Москва.
РНФ	Российский научный фонд. Москва.
РО НБФ	Рукописный отдел Национальной библиотеки Финляндии. Хельсинки.
РФФИ	Российский фонд фундаментальных исследований. Москва.
СА	Советская археология. Москва; Ленинград.
САИ	Свод археологических источников. Москва.
СВФУ	Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова. Якутск.
СГСПУ	Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара.
СО РАН	Сибирское отделение Российской академии наук.
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СПбФ АРАН	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Санкт-Петербург.
СЭ	Советская этнография. Москва; Ленинград.
ТГИМ	Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТЛ	термолюминесцентное датирование.
тлн	тысяч лет назад.
ТСА РАНИОН	Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва.
ЭОРМ	Этнографический отдел Русского музея. Санкт-Петербург.
CNRS	Centre national de la recherche scientifique. Paris.
DAI	Deutsches Archäologisches Institut. Berlin.
ERAUL	Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège. Liège.
ESA	Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
Fo/Fo	Forschungen und Fortschritte. Berlin.
IPEK	Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. Berlin.
LLGM	локальный максимум последнего оледенения.
MAG	Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft = Mitteilungen der österreichischen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Prähistorie. Wien.
MIS	Marine Isotope Stage.
NMDS	non-metric multidimensional scaling.
PZ	Prähistorische Zeitschrift. Berlin.
SMYA	Suomen Muinainmuistoyhdistyksen Aikakauskirja = Finska Fornminnesföreninens Tidskrift. Helsinki.
ТТКУ	Türk Tarih Kurumu Yayınlarında. İstanbul.
UG	University of Gdańsk. Gdańsk.
UISPP	International Union of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Paris.
WPZ	Wiener Prähistorische Zeitschrift. Wien.